

САТИРИКОН

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

SATIRIKON

№ 6-7 XII-I 1951-52

Разглядел опасность Новый Год, —
Паренёк дозор несет исправно!
Поезд с рельс надежных не сойдет, —
Коммунизм сойдет на нет бесславно.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Хороший тон «доброе старое время» обязывал к этому поздравлению прибавлять: «С новым счастьем!»... Как же поступит в данном случае «Сатирикон»? «Сатирикон», прежде всего, размышляет.

Был ли ты, читатель, счастлив в минувшем году? Если да, то — с новым счастьем!

Действительно, был ли ты счастлив? И что это за «синяя птица» — счастье? Когда-то Жуковский сказал об одном из своих героев: «Он долго за счастьем по свету бродил, но счастье, как сон, улетало...» Не уподоблены ли мы все этому романтическому герою в наш совсем не романтический век...

Буйные десятилетия революций и войн слали в архив старое понятие личного счастья. Не дано больше человеку спрятаться в своей раковине, не дано жить своим интимным миром. Суровая жизнь всех и везде связала тысячами зримых и незримых нитей с общей судьбой. И пока мир, колеблемый войнами и революциями, не устроен, тщетны попытки устраивать «собственное счастье».

Но на свете и сейчас есть место счастью. Есть! И лежит оно близко. Только выглядит оно не так, как прежде. Оно — в радости борьбы и победы. Нашей борьбы за освобождение Родины. Нашей грядущей победы в этой борьбе, с которой придет все.

«Есть упоенье и в бою, и бездны мрачной на краю...» — писал Пушкин, словно предвидя нашу судьбу: на краю мрачной бездны зла, человеконенавистничества и тирании сражаться за торжество истины, провозглашенных две тысячи лет тому назад —

... на земле мир, в человеках благоволение...

Таков сегодня путь к счастью. Иного пути нет. Стать на него дано каждому, ибо наша борьба — в каждом нашем слове, в каждом нашем действии.

Минувший год принес нам намеки на счастье. Он приоткрыл завесу будущего, показав, что наша борьба — не утопия. Возможности, средства, союзников выявил нам минувший год. Год грядущий — мы верим — даст нам новые радости на пути борьбы, приблизит к счастью желанной победы.

У нас нет никаких сомнений в исходе нашего дела. Мы увидим Родину и наш народ в мире и благоволении! И, приглашая тебя, читатель, к радостной встрече Нового Года, мы с чистым сердцем приветствуем всех:

С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ!

Оно придет... А от тебя зависит ускорить его приход.

На общем новогоднем празднике «Сатирикон» высоко подымает бокал и — первый тост за наш народ!

НОВОГОДНИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА ДУБ:

Товарищи колхозники! Слушайте!

Выполняя партийное задание,

Выдаю по кило кофейной гущи

Для народного гадания.

А ежели премию дали нам —

Значит, теперь держись!...

Спасибо товарищу Сталину

За нашу счастливую жизнь!

МОССАДЫК:

Приезжайте в Абадан, —

Я здесь полный господин.

За здоровье англичан

Выпиваю керосин.

БЕРИЯ:

Джонсончик! Выпьем виски!

Тебе, братишка, верю я.

Ты — ик! — декан Берийский,

А я — ик! — Кентерберия!

МЕ ТОСТЫ

ЭЙЗЕНХАУЭР:
Джентльмены! Близится момент
Избранья президента.
Кто б ни был этот президент —
Налейте мне абсента!
Кого б ни выбрал край родной —
То будет выбор ясный:
Весь мир под белою звездой
Оберегать от красной!

МАО ДЗЕ-ДУН:
Я по случаю Нового Года
Пью из черепа, но — увы! —
Он не вражеской головы,
Он — от собственного народа.

АДЕНАУЭР:
Друзья! Предлагаю торжественный тост
От сердца — и без дипломатии:
Я пью за Германию — твердый форпост
Свободы и демократии!

«КРОКОДИЛ»:
На новый год, как старый гад,
Я бесконечно был бы рад
Услышать под бокалов звон
О том, что сдох «Сатирикон».
Прим. редакции: — Напрасные
надежды.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ:
Я вывел Русь из спячки давней,
В Европу прорубил окно,
Но тридцать лет уже оно
Железною забито ставней.
Так пусть теперь, наоборот,
Европа к нам окно пробьет!

ВЫШИНСКИЙ:
Как советского члена правительства,
Пью за мирное я строительство!
Под шумок говорка ООНского
И под праздничный звон бокалов
Пью за бодрое настроение
И за полное освоение
Украинского, Волго-Донского
И... Суэцкого каналов.

дисменты). Деньги созданы для того, чтобы их тратить, как сказал Карл Маркс! (смех, бурные аплодисменты).

За этой видимой идиллией кроются социальные противоречия и классовая борьба! — скажут нам марксисты.

Нечего греха таить, классовая борьба — увы! — и здесь имела место.

В день своего семидесятилетия «лорд Наффи», полностью сохранивший не только духовные, но и физические силы, полтора часа боролся со своими рабочими. Но ни один не смог положить его на обе лопатки. Присутствовавшим журналистам, учитывая их интеллигентность, «лорд Наффи» предложил бить себя кулаком в живот. Журналисты били изо всех сил, но старик только улыбался.

Вот, что значит веселый характер!

«ГОЛУБЕЦ МИРА»

Всем известно, что Андрей Януариевич Вышинский появился однажды на парижской ассамблее ООН с голубем, преподнесенным ему одной французской девицей, у которой чувства явно преобладали над разумом.

В то время, как Андрей Януариевич произносил речь, «голубь мира» бестрепетно сидел на его руке. В этом нет ничего удивительного, так как голуби совершенно спокойно садятся на дула оружий и смертоубийственные провода высокого напряжения.

— Андрей Януариевич, что прикажете делать с «голубем мира?» — спросил министра его доверенный секретарь по возвращении в отель.

— С «голубем мира»? — захохотал Вышинский. — зарезать, добавить риса и сделать из него «голубец мира»!

В НАШЕ время все объединяются. Но объединение это (мы рассуждаем так себе, вообще) порою напоминает случай, часто повторявшийся ранее на украинской ярмарке.

Три-четыре воза (мы не говорим пять), стремившихся в одном направлении, но различными путями, внезапно сцеплялись задними колесами. Поднимался шум и собиралась толпа. Немец-колонист, убежденный, что повозки следует толкать не только руками, но и ногами, настойчиво вопил:

— Мит фюссен! Мит фюссен!

Стоящий в отдалении чиновник одного из департаментов подавал платонические советы. Но объединившиеся возы — ни с места.

Такова картинка, запечатлевшаяся в нашей памяти еще со времен далекого, невозвратимого детства. Вспомнили мы об этом только для того, чтобы заверить читателя: объединяя две рубрики, мы с Шерри не повторяем эпизода, описанного выше. Вскочив на «Политического Пегаса» мы, без лишних слов, двинем «галопом по Европам»! Так сказать, объединение по сатириковскому принципу:

Настал объединенья час,
И вот, на зло всем мизантропам,
Наш политический Пегас
Галопом скачет по Европам!
«Завоеваньям Октября»
Дань отдавая в должной мере,
Пегас скакать не будет зря, —
Порукой в этом ЮМ и Шерри!

«ЛОРД НАФФИ»

На Рождество полагается рассказывать разные веселые истории. Поэтому на сей раз мы начнем с истории о веселом «лорде Наффи».

В молодости его звали Уильямом Ричардом Моррисом. По профессии был он автомехаником. Однажды хозяин, у которого он работал, отказался повысить его жалованье, составлявшее 5 шиллингов в неделю. Тогда Уильям Моррис, беспечно посивистывая, открыл свою собственную велосипедную мастерскую с основным капиталом в 4 фунта стерлингов. Он работал и работал, напевая песенку собственного сочинения:

«До капитала мне далеко,
Но если б он ко мне попал,
То людям дал бы больше прока,
Чем Карла Маркса «Капитал»!

Прошли года, и капитал Уильяма Морриса несколько возрос. Это можно заключить из того, что он стал делать кое-кому маленькие подарки. До конца 1950 года он подарил, в общей сложности, 30 миллионов фунтов стерлингов, преимущественно университетам, больницам и благотворительным учреждениям. Сюда не входят суммы ниже 10 тысяч фунтов, которые он рассылал анонимно по различным адресам.

Но Моррис — большой шутник; он не ограничился этими забавными выходками. В 1936 году он преподнес своим рабочим миллион акций, стоимостью в 17 миллионов фунтов, сделал их, таким образом, участниками своего предприятия.

Однако, вы ошибетесь, если подумаете, что рабочие любят «Лорда Наффи» (так они прозвали Морриса) за его деньги. Они любят его за веселый, общительный нрав.

«Лорд Наффи» обедает только в рабочей кантине. За обедом он держит речи, примерно, такого содержания:

— Деньги ни черта не стоят. Если хочешь, чтобы я получал удовольствие от своих денег, пусть меня научат обедать двенадцать раз в день, или чистить зубы четырьмя щетками (всеобщее одобрение). Чем я виноват, что капуста нравится мне больше черной икры? (апло-

Рис. ТОРСО (Мюнхен)

Боннское правительство принимает меры к пресечению подпольной деятельности неонацистских и коммунистических организаций в Западной Германии, подрывающих молодую немецкую демократию.

Говоря откровенно...

если все так хорошо, почему же все так плохо?..

СТЯЖАТЕЛЬ НА КАФЕДРЕ

«Правда» сообщает, что в ходе развития стахановского движения на фронте борьбы за культурную революцию, под мудрым водительством товарища Сталина, доцент Майский из Читы прочитал в течение пяти дней семнадцать лекций на различные темы. Вопреки всем ожиданиям, «Правда» не хвалит, а ругает Майского, называя его стяжателем на кафедре. Дело в том, что он получил по 125 рублей за лекцию.

Мораль: старый бравый солдат Швейк был прав — никогда не знаешь, где выпьешь, а где влипнешь.

В этом же номере «Правда» сообщает некоторые данные о способностях товарища Майского. Он заявил о своей готовности под мудрым и т. д. руководством работать на Дальнем Востоке. Однако, он потребовал гонорар 3200 рублей, плюс дальневосточная надбавка 30 процентов, плюс за ведение кафедры 20 процентов, плюс полставки дополнительно, плюс подъемные в размере двойного оклада. Итого 6500 рублей в месяц, плюс 6400 рублей единовременного пособия.

«Правда» ругается по адресу Майского. Почему ругается? Ведь, все так делают!?

Мораль: одиннадцатая заповедь гласит — не попадайся!

БЕСПАТЕФОННЫЕ РУЧКИ

Мы — хорошие люди. Мы верим. Мы верим тому, что написано в газетах. Так, например, если в газете «Труд» написано, что по реке Аму-Дарье ходят стахановские пароходики, тащат за собой плоты и выполняют план на 150-170 процентов, или, что в доме отдыха Вызу на берегу Финского залива отдыхают эстонские рабочие, выполнившие за полгода 8-9 месячных норм, то мы думаем, что это — правда.

Но в таких случаях нам вспоминается история, которая произошла на одной патефонной фабрике. Там тоже нашелся стахановец: он делал ручки для патефонов. Внес какое-то «рационализаторское» предложение, взял на себя обязательство перевыполнить план и, действительно, сдержал свое обещание. В общем, наделал он этих ручек — на десять лет

хватит. Конечно, герою труда почести оказывают, цветы подносят, в дом отдыха отправили. Даже, кажется, орден дали. А ручки — они валяются. Ржавеют. Патефонов к ним нехватает... Так и пришлось эти беспатефонные ручки выбросить.

Злые языки утверждают, что на одной сапожной фабрике пришлось делать ботинки к шнуркам. В ходе развития социалистического соревнования и стахановского движения шнурков наделали больше чем нужно, и не того цвета.

Вот и кажется нам, что обязательно что-нибудь подобное творится и на Аму-Дарье, и на Финском заливе.

БОГАТАЯ ЖИЗНЬ

«Вячкий народ хвачкий, семеро одного не боятся». Вятку ругают, правда, теперь Кировым, но хвачкий народ там все-таки остался. А кто этому не верит, тот пусть попробует напасть на семь вятичей сразу. Мы на его месте быть не желаем...

Однако, справка о том, что семеро вятичей одного не боятся никоим образом не обозначает, что, скажем, пятеро или, даже, трое вятичей одного боятся. Совсем наоборот. Недавно был случай, что один вятич выступил против целой области. Правда, не географической или этнографической, а против области народного хо-

зяйства в Вятской... извините, Кировской области... Против аппарата снабжения.

А было это так. Председатель правления Кировского облпотребсоюза Софонов написал письмо в редакцию газеты «Известия». Редакция возьми, да и напечатай его полностью. А в письме содержится целый ряд интересных фактов специально для «Сатирикона». Посему перепечатаваем часть письма полностью:

«В результате порочного планирования на 1951 год намечено выработать на всю область 700 разных дуг, 1290 телег, 3600 саней и 4875 скатов колес. Таким образом, запланировано изготовить одну дугу на четыре колхоза, одну телегу на два колхоза».

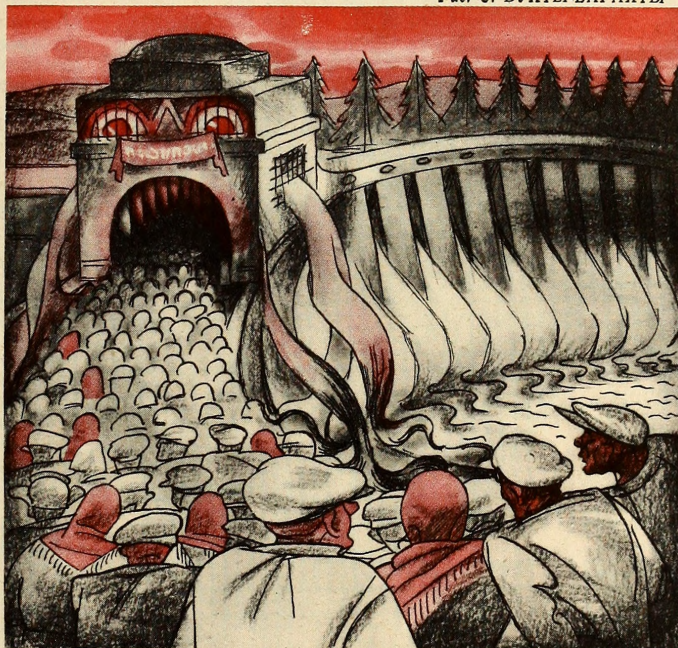
Одна дуга на четыре колхоза — это, конечно, мало. Но, в общем, товарищ Софонов рисует положение слишком черными красками. Как ни говори, а каждый колхоз может приобрести пару саней, и на каждые пять колхозов, приблизительно, восемь скатов колес. Кстати сказать, мы советовали бы товарищу Софонову и редакции «Известий» не сообщать публично данных, на основании которых можно высчитать количество колхозов в Кировской области. Таким поведением могут заинтересоваться соответствующие органы. Ведь это — военная тайна, такая же, как количество патронов в винтовке образца 1898 года.

В конечном счете, упреки товарища Софопова совсем не обоснованы, ибо сам он пишет, что «уже в первом полугодии 1951 года» из Горьковской области ввезено 165.000 деревянных столовых ложек и 30.000 топоров (больше, чем по 10 на каждый колхоз!). Правда, все это делалось раньше в самой области, но, ведь, в конце-то концов, и ложки, и железные дороги — все «всенародное» достояние. И это даже лучше, если переплаченные деньги находятся не в частнособственных карманах потребителей, а в качестве «всенародного» достояния попадают в бездонную кассу социалистического государства.

Вам, товарищ Софонов, следовало бы заняться изучением «Краткого курса истории ВКП(б)».

А. Г.

Рис. С. БУХТЫ-БАРАХТЫ

СТАЛИНСКАЯ ГИДРА-СТРОЙКА

ПИСАТЬ НАДО УМЕЮЧИ

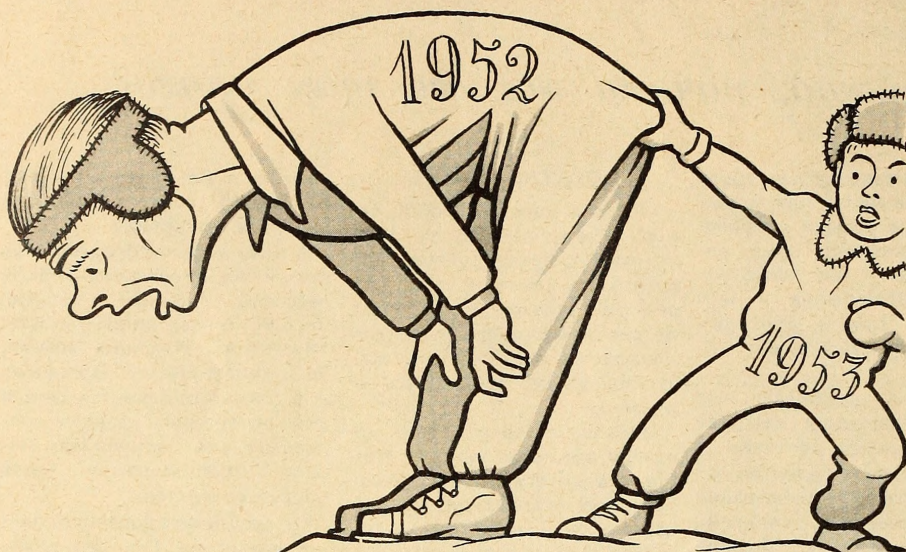
С тех пор, как, в целях укрепления своей власти, Сталин начал звать к теням прошлого, стало выгодным писать воспоминания. Однако, политически-выдержанных теней мало. Салтыков-Щедрин считается терпимой тенью и звать к нему можно. Поэтому быть сыном Салтыкова-Щедрина (настоящим сыном, не в пример известным сыновьям лейтенанта Шмидта) хорошо. Можно написать воспоминания.

Сын знаменитого сатирика, живущий в СССР, так и пос-

тупил. Но писать надо уметь. Писать, например, правду не рекомендуется. Иначе пропишут в «Правде». Салтыков написал, что его папашу, который зло и едко высмеивал царскую Россию, «в правящих кругах не считали политически опасным». Больше того, «ему не запрещали писать».

Всем известно, что произведения Салтыкова-Щедрина были опубликованы до революции. Но «Правда» считает, что это неправда. Салтыков-сын получил от нее «по заслугам».

ИР-ИР

1953 год (1952-му): — Осторожней, отец!
Не бултыхнись в Лету раньше времени...

КОЗЬМА ПРУТКОВ ! ЖИВ !

Козьма Прутков, проживающий в Абиссинии при дворе абиссинского негуса (см. «Сатирикон» №№ 3 и 5), прислал нам к праздникам новую серию афоризмов.

1.

Не все ново и в новом году. Предвижу, что и в новом году будет не более 366 дней.

2.

Приятнее носить новое платье в старом году, чем старое в новом.

3.

Гм!

4.

Под новый год можно заложить за галстук, даже не имея оного.

5.

Галстук, надетый под лицом, не делает еще сие лицо благородным. Вспомни Вышинского!

6.

Налейте, не возражаю!

7.

В понятии «дипломат» советские представители делают ударение на последнем слого.

8.

Конфликт в Корее подобен затянувшимся родам. Схватки продолжают-ся, а риджуэния ребенка не видно.

9.

На конференциях и ассамблеях, происходящих в Париже, придерживаются правила: не откладывая на сегодня того, что можешь сделать завтра.

10.

Вчера негус изрек: лучше быть богатым и здоровым, нежели бедным, но больным. Запечатлеваю сию мысль для потомства.

Сосо в новогоднюю ночь
Подарки принять бы не прочь,
Но их не несут из ООН,
И нет их от «пятых колонн».
Лежат перед ним лишь приветы,
В любви объяснения, обеты,
Да чей-то сладчайший сонет,
Из коих не сварить обед...

Письмо Толиатти Пальмиро:
«Тебе обещаю полмира,
Италию только себе
Прошу я за помощь в борьбе.»

И Сталин бурчит: «Фанфарон!
Уж лучше б прислал макарон.»

Пик пишет: «Как прежде, в Берлине
Сажу на одной половине.
Другой не заманишь в неволю, —
Не верит она Гротеволу.»

И Сталин вздыхает тоскливо:
«Могли бы прислать мне хоть пива.»

Из Лондона пишет Поллит:
«Я в Англии грязью полит.
В почете лишь Черчилль и Эттли.
Трех фунтов на празднички нет ли?»

И сердится Сталин: «Ворона!
Прислал бы хоть ломтик бекона.»

«Любимый наш! — пишет Ракоши. —
На праздник сидим мы в калоше.
Все лавки пусты в Будапеште...
За наше здоровье поешьте.»

И Сталин грызет карандаш:
«Сварил бы, подлец, хоть гуляш.»

Из Пекина пишет Дзе-дун:
«Будь я всемогущий колдун,
Прислал бы тебе всю Корею.
Но что мне сказать Риджуэу?..»

И Сталин вздыхает: «Эх, Мао!
Прислал бы ты мне хоть какао.»

Письмо из Парижа: «Мерси
За помощь, но вин не проси.
Их пьют на банкетах ООН
Вышинский и Дин Эчисон».

И охает Сталин: «Торез!
Он мне до печенок долез!»

А вот и еще телеграмма.
Строчит Хо-Чи-Мин из Вьетнама:
«Ловил для тебя Тассинью,
Да он подложил мне свинью.»

И Сталин бормочет: «Шакал!
Вот эту б свинью и прислал...»

Да! Грустная, в общем, картина.
«Подарков» подобных лавина,
Но все, так сказать, для души,
Реального ж — только шиши.
И злится Сосо престарелый:
«Такое паршивое дело!
Нэ нада мне нового года!
Атставить! Плахая пагода!..»

ХАМЕЛЕОН

В роскошных залах парижского Пале Шайо, на Генеральной Ассамблее ООН, «громит» западный мир Андрей Януариевич Вышинский — министр иностранных дел СССР.

Человек с ползучим именем — Януари-евич! — проделал извилистый жизненный путь, меняя окраску, как хамелеон, пока не достиг теперешних степеней. Чтобы отметить его успех на этом пути, будем называть его Хамелеоном с большой буквы.

Хамелеон вылился в дворянском гнезде. А в Большой Советской Энциклопедии обернулся чистокровным пролетарием. Одно очко в пользу Хамелеона!

Карьера Хамелеона — диалектическая. Меньшевик — в первые годы советской власти, он почуял, где пахнет жареным, и во-время переменял окраску. Еще очко в пользу Хамелеона!

Хамелеон честолюбив. Будучи по образованию юристом, он решил сделать ученую карьеру и начал с того, что, засунув два пальца в рот, освистал в залах Московского университета своих оппонентов — оппозиционеров. Поскольку дискуссия была партийная, то такого рода поведение дало новое очко в пользу Хамелеона! Свистоглот и меньшевик-ре-

сценировках. Хамелеон неистово требует крови. По крови он выплывает на должность верховного прокурора СССР и возглавляет: «Право и закон диктуются генеральной линией партии и служат интересам советского государства...»

Хамелеон достиг вершины: он стал верховным палачом русской земли.

После утомительной работы на этом посту Хамелеон был назначен на должность министра иностранных дел СССР. Вполне логично: ведь после войны сталинская дипломатия, больше чем когда-либо, построена на наглости и хамстве. Лучшего кандидата, чем Вышинский,

Демократии поняли, что в переговорах с хамми самое лучшее — твердость. Потому, что хамы, как правило, трусы — трусы диалектические, учитывающие возможные последствия. И красный Хам в ООН снова обернулся Хамелеоном, завил хвостом и еще раз изменил окраску — на белую, «голубковую».

Но надолго ли? Об этом будут гадать западные дипломаты в новогоднюю ночь.

* * *

И все же необходимо отдать должное талантам и способностям советского министра иностранных дел. Под его умелым руководством советская дипломатия достигла в 1951-ом году небывалых ус-

Рис. Н. ОЛИНА

негат стал большевистским профессором и руководителем кафедры... права!

Хамелеон на этом не успокоился. Руками и ногами он копает ямы своим окружающим и терпеливо ждет, когда жертва свалится в яму.

С конца двадцатых годов Хамелеон — государственный обвинитель во всех важнейших большевистских судебных ин-

трудно было подыскать — и Хамелеон стал патентованным хамом в ООН. Опять-таки, Хамом с большой буквы. Хамит он, надо признаться, виртуозно.

Хам в ООН сначала вызвал удивление, потом недоумение, наконец, отвращение. Жажда мира и надежда на соглашение долгое время не позволяли прищемить хвост хамствующему Хамелеону. Он бесновался на трибуне ООН, сочетая потоки отборной ругани по адресу демократий со слащаво-умильной ложью о «мирных» намерениях политбюро. Он скоморошничал и, в конце-концов, надоел. И в Пале Шайо, и за его пределами дали Хаму это ясно понять.

пехов «на страх врагам и погибель капитализма».

К числу таких успехов можно смело отнести:

Интенсификацию коллективной обороны Запада;

Переговоры о создании европейской армии;

Постановку в порядок дня вопроса о привлечении к общей обороне Европы Западной Германии;

Назначение генерала Эйзенхауэра на пост главнокомандующего атлантической армией;

Расширение Атлантического Пакта путем включения в число его участников Греции и Турции;

Подписание полсотней государств мирного договора с Японией;

Заключение оборонительного пакта тихоокеанских государств;

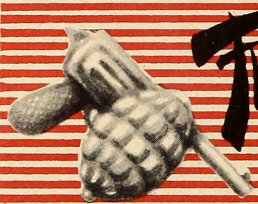
Запрет ввоза стратегических материалов в коммунистические страны;

Провал коммунистов на выборах в Англии;

Выражение американским конгрессом чувства дружбы к русскому народу и многое другое.

Небывалые ауспиции к новому году!..

К. ГРИШИН

ТЫСЬКО ИЗ ЖАЛАЙ

П. СОКОЛОВ

«Многоуважаемая редакция.

Вчера из Англии получил первые три номера «Сатирикона». Сел под пальмочку, положил рядом кольт и ручную гранату и начал просматривать новый русский журнал. Ну и вредный же журналишко! Что вам «солнышко Сталин» сделал? Что это вы его так кроете? Он, можно сказать, только и живет освобождением рабочих от эксплуататоров, а вы его поносите.

Возьмем нашу Малайю. Жили мы до того, как «папа» начал освобождать нас, страшно плохо. Капиталисты эксплуатировали нас и в хвост, и в гриву; засоряли нам мозги всякими увеселениями, чтобы мы правды не видели. Навезли велосипедов и мотоциклетов для туземных рабочих, а для белых надсмотрщиков — автомобилей. Радиоприемников натыкали в каждый дом. В захолустные деревни, где электричества нет, с батареями радио дали. Бывало рабочий-туземец вернется с прииска, измученный восьмичасовым рабочим днем, хочет отдохнуть, а радио ревет на всю деревню. Тошно станет рабочему, хочет он культурного отдыха, а капиталист ему радио тычет. Сядет рабочий на автобус и поедет в город. В городе кино, театр; для китайцев китайские, для малайцев малайские, для индусов индусские. Расовую вражду только сеяли. Да и в театрах этих все больше пропаганда капиталистическая. То показывают, как коммунисты на Корею напали, то как «товарищи» планы атомной бомбы уперли. Волком завоет рабочий от такой лжи и пойдет в ресторан. Там акулы-капиталисты тоже ведут свою линию: пей, жри, но правды не ищи.

В темноте жил туземный рабочий. Белые рабовладельцы школ настроили, по две-три на деревню, но чему там учили? — правительство уважай, родителей почитай, будешь полезным членом страны, и все в этом роде.

Стоном стонали рабочие, откладывали в банк деньги, обманывали белых эксплуататоров и мечтали о сталинской правде. Узнал «солнышко» о бедствиях малайских рабочих и решил освободить их от белых угнетателей. Организовал освободителей и давай освобождать! Придут освободители в рабочий барак, в одной руке портреты Сталина и Мао Цзе-дуна, в другой — пистолетик, и начнут освобождать:

— Выбратцы-рабочие, в рабстве живете, прав у вас нет, — и всяко-разно в этом духе, — время вам, товарищи, освобождаться. Смотрите, в великой Триэсерии все равны, а вы чем хуже? Давайте по рублю с рыла, а мы вас освободим. Хошь не хошь, а лучше добром освободайся, а то мы и силком в свободный рай отправим.

И давай отправлять... Что ни день, то похороны. Видят рабочие, что освободители народ сурьезный, платят рубли и освобождаются.

Оно, конечно, и мы в долгу не остались. Хватились за ум, давай мобилизоваться, давай пистолеты в карманах таскать, да автомобили бронировать. Видят освободители, что дело освобождения боком начинает им вылазить. Оставили они белых в покое, а на туземцев пуще поднавалились. Освобождали до белья включительно, прямо как по учебнику Берии с картинками. Едет рабочий вечером на автобусе, мечтает о покое — хрясь, из кустов освободители: одеты все в зеленое, на шапках звезды просвещения.

— А, товарищи дорогие, вы это куда? В город, картинки смотреть? Позволяете себя обирать капиталистам? Стыдно, товарищи, время вам освободиться! — и освобождают на месте: автобус в огне, свободные от кошельков рабочие топают свободно в деревню с распиской от чинов освободительной армии и с пустыми

карманами. Бывает, что освобождают и от жизни.

Резина в цене поднялась. Рабочим капиталисты глаза замазывают: дают наградные, а себе куши берут. Давай освободители плантации портить, фабрики жечь. Волком воют капиталисты — убытки миллионные. А рабочим благодать: работать не нужно, ибо работы нет. Освободили от работы, спасибо, дорогие товарищи. А что, вот, жрать-то без работы нечего — это пустяки.

Тут рабочие, от темноты-то своей, к нам:

— Караул! Акулы капитализма, помогите! Сами в рабство прем, спасите от освободителей!

Ну мы и помогаем. Рабочие бараки проволокой огородили, полицию увеличили, армию привезли. Аэропланы прилетели. Рабочие вздохнули и опять кричат:

— Что же такое, нас-то вы закалили, а деревня то как? Ее, ведь, тоже освобождают: рис забирают, кур режут, свиней жрут. Братцы капиталисты, закалила и деревню!

— Ладно, — говорим мы, — и деревни в проволоку.

Зло берет освободителей. Сидят в джунглях и друг друга освобождают. Но и нам житья нет. На работу стали — одна рука на гаечном ключе, другая — на револьвере; один глаз — на работе, другой — по кустам шарит, нет ли где освободителя. Жены на базар без конвойа и не мечтают ездить; да что там конвой — бронированные машины стали просить.

Давай мы освободителей уговаривать:

— Распрекрасные вы прохвосты, ну нас-то вы хлопаete из-за угла, Сталин вас наградит, а рабочих-то за что грабите, машины зачем портите? Ну, освободите вы Малайю от нас, мы и в капиталистических странах как-нибудь перебежмся, а рабочие-то без нас, да без машин наших с голоду подохнут...

А они нам в ответ:

— Врете вы, бродяги. Мы без вас во как заживем! Мы новый мир построим. Сталин-то на что? Он нас не оставит. Мы, как в Триэсерии, рабочего так просветим, что он добровольно шестнадцать часов за шестичасовую плату работать будет. А что сейчас рабочий к вам прет, так это по темноте своей. Вот мы еще тысячу пять-десять в расход пустим, так они к нам валом попрут...

Вот так, дорогая редакция, уже три года и шесть месяцев товарищ Сталин о рабочих и угнетенных заботится, а вы его кроете. Совестно то у вас где? Вредный ваш журналишко! А читать его все же все русские, да и не только русские, должны. Хорошо бы надписи под карикатурами и по-английски делать. Больше бы людей образумилось.

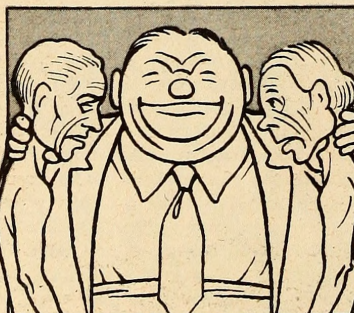
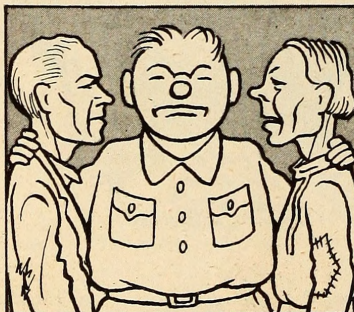
Уважающий Вас П. Р. СОКОЛОВ».

15. 11. 51.
S. Siput South
Rampar Malaya

ЖИЛИ ТРИ ДРУГА...

(История одной партийной карьеры)

Рис. Н. О.

В НОЧЬ ПОД РОЖДЕСТВО...

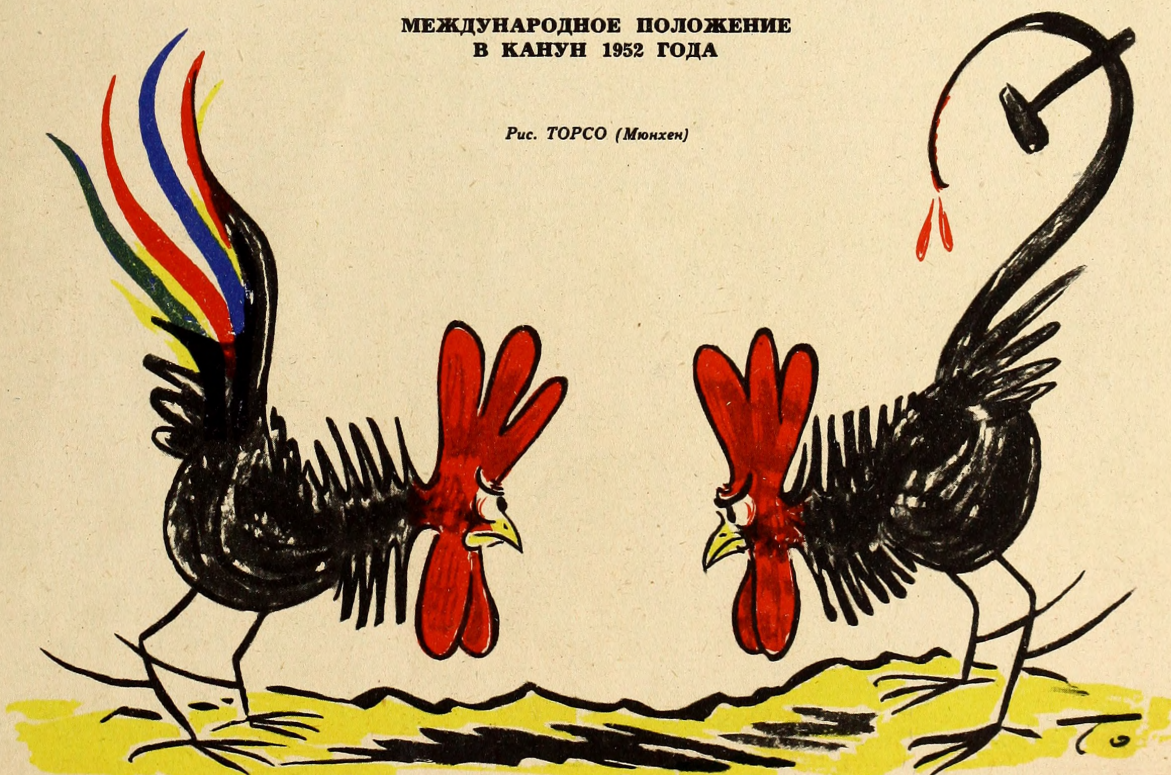

Рис. Д. ОСТАНЕВИЧА (Лондон)

«Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В КАНУН 1952 ГОДА

Рис. ТОРСО (Мюнхен)

УВАГА, ГОВОРИТЬ КИЇВ!

ХРИСТОС РАЖДАЄТЬСЯ!

Пам'ятаєте, дорогі читачі, як воно було колись, коли на нашій землі ще жилося по людському? Ні, мабуть, нічого ви не пам'ятаєте, бо вже відтоді минуло понад тридцять років. У всякому разі, мало хто пам'ятає.

А було добре!

... У хаті чисто-чисто. Стіни вибілені, такі, як перший сніг. Піч розмальована квітами, зіллям, визерунками. Долівка рівна, заметена так, що й пилінки не знайти. Під образами синенький, чи червоний вогник лампадки і чисті, рясно вишивані рушники; на столі новий обрус, на обрусі дванадцять страв. На почесному місці — на покуті — «Дідух» — житній сніп, стародавній символ врожаю й достатку. Поруч, на духовитому сніп-куті з медом і маком, узвар. Далі — смажена рибка, борщ пісний з грибками, голубці, вареники, пироги... Е, та чого там тільки нема, — і хоч усе пісне, проте смачнішого, здається, й бути не може!

Господина, убрана по святковому, порадиться біля столу... і як же вона убрана! Дарма, що одіж зроблена «власними руками, з власних матеріалів», але ж — як! Коли б ту творчість, мистецький смак, шляхетність ліній, сміливу фантазію, поєднану, одначе, з традиційністю, одухотвореністю, тактом, — коли б то все розцінювалося на гроші, то ця святкова одіж селянки коштувала б дорожче від убрання найпершої мільйонерки.

На щастя, народ сам споживає своє мистецтво, — і чудесно робить.

А мудрагелі з книжкових хробаків пятакали щось про «ідіотизм сільського життя»!

... Батько сховається за

мискою пирогів, а діти питаються:

— А де ж тато?

— Хіба не бачите мене, дітки?

— Не бачимо!

— Ну, то дай же, Боже, щоб і на той рік ви мене отак не бачили!

Таке все просте, звичайне і недороге. Оре дядько землю, сіє, збирає жито, пшеницю і всяку пшаницю, плекає худобину, кури, гуси, качки, годувє свині. Страшенно просто.

А на цьому всьому — диви — виростає витончена, невмируща культура духа, виражена в слові, в музиці, в кольорах, формах, виростає сила розуму, що пізнає світ і людину: наука, філософія. Зрештою техніка, що дає людині в руки кермо самої природи.

В основі ж стоїть дядько — грецькій, що має міцні, помозелені руки і Бога в серці.

Тепер дивіться: якщо дати цьому грецькісіві — українському, російському, французькому, італійському — спокій і не скрути його, то він за певне число років перетвориться зовні на цілком цивілізованого пана: хата його стане двоповерховим будинком, наповненим модерними меблями, одягатиметься він по моді, голитиметься щодня, купити рефріжиратора, радіо й телевізора, орати буде вдосконаленим знаряддям, жати й молотити — теж.

Всередині ж полишиться грецькісієм, що має Бога в серці.

НОВІТНІЙ СОННИК

МАРТИНА ЗАДЕКИ

Шановні читачі! Сон то є велике діло. Увісні ви можете цілуватися з Труменом, давати вказівки «ді-пі комісії», ходити по карнизях.

У реальній дійсності ж подібні акції наштовхуються на певні перешкоди (пропонуємо перевірити). Та найбільш рентабельна сторона сону полягає в тому, що увісні ви легко й точно дізнаєтесь про те, що чекає вас у найближчому майбутньому. Моєму приятелю приснилося, ніби то його годують сирію картоплею. І справді, рівно через 4 роки 7 місяців і 2 дні він одружився з досить приємною блондиною. З наведеного прикладу видно, що мало бачити сон, треба ще його правильно зрозуміти. Дуже рідко сон збувається буквально. Якщо ви побачили увісні, що всі коні на вулиці розломалися навпополам і кожна половина бігає окремо, або ж що ваша дружина видала вам 100 марок і намовляє вас купити на цю суму горілки, — то це ще не значить, що цей сон невдовзі справдиться. Та коли витлумачити цей, (або інший), сон з певним знанням справи, він може виявитися цінним дороговказом у практичному житті.

З огляду на сказане, ми притягли до співробітництва відомого магістра ВІШП Мартина Задеку, який надалі систематично висвітлюватиме ваші сни, звичайно, якщо вони будуть справжніми українськими.

1. Бачити увісні, що рябий кіт грає на фісгармонії Лунну сонату Бетговена, але помиляється в деяких нотах — загубити гудзика.
2. Їсти увісні гуску — не їсти її (в дійсності).
3. Емігрувати увісні за океан — залишитися на німецькій економіці.
4. Залишитися на німецькій економіці — емігрувати за океан.
5. Вести політичні дискусії — потрапити у шпиталь.
6. Волами їхати — брати участь в консолідації антибольшевицьких сил.
7. Шукати (увісні) вбиральню у багатоповерховому будинку — не можемо пояснити через дискретність, але радимо якнайшвидше прокинутись.
8. Нюхати айстру — загубити в трамваї 75000 німецьких марок. Сон може не здійснитися лише через відсутність зазначеної суми.

Пам'ятник Т. Шевченкові в Києві
(Проект архітекти братів П. і Д. Лобузьких)

І на Маланчин вечір — примусова праця!

Мал. С. БУХТИ-БАРАХТИ

(Далі буде)

АМЕРИКАНСЬКІ СТРАХІТТЯ

ЩАБЕЛЬ ПО ЩАБЛЮ

Советський письменник побував в Америці. Він зустрів там американця. Власне, в цьому немає нічого аж занадто дивного. Цей американець був українського походження, що, само по собі, ледве чи викличе виняткову сенсацію...

І спитав американець українського походження письменника советського походження: — Як там, у Полтаві? Кажуть, вона дуже потерпіла від німців? Советський письменник відповів досить загальною: Полтава, мовляв, справді «сильно лиха зазнала», — а від німців, чи від когось іншого, справа другорядна. Ще, мовляв, шведи на чолі з Карлом XII-м цьому місту дуже нашкодили. Адже, брехати відверто советським письменникам суворо заборонено, себто, брехати треба, але — дуже обережно, щоб була не впійматись на гарячому.

І, своєю чергою, запитав письменник американця, чому це його цікавить, — адже він давно американський громадянин.

На це останній відповів, — і цю відповідь советський письменник вважав разуючою, вбивчою для Америки:

— Вдень ми всі американці, а вночі, під ковдрою, українці, або італійці, шведи, чи поляки.

Здається, що советський письменник не вигдавав цієї заяви, хоча щось дуже до неї подібне, я вже десь чув, або читав. Але, власне, Америка тим і сильна, що не забороняє своїм громадянам відчувати їхню природну національність, за що вони й хвалять Америку, як країну свободи. Подруге ж, Америка ніколи не витягає своїх громадян спід ковдри і не садить їх у «чорного ворона», як це робиться по деяких інших державах.

ПАЛЬМОЛІВ І КРАБИ

«Ви включаєте радіо і чуєте дуже приємну мелодію у виконанні неабиякого тейора.

— Що це? Італійський роман?

— Не думаю, — пояснює вам обізана людина, — правдоподібно, реклама мила Пальмолів».

Обурений з такого варварства, советський письменник забуває, як в СССР, включивши радіо, часом чує приємну мелодію у виконанні неабиякого голосу, — і це виявляється рекламою советських крабиконсервів «Фенсі».

Різниця та, що Пальмолів вельми мило, ціною зовсім приступне для всіх американців, мило, яким дуже приємно милити собі шию. Крабик своєю ціною для советських громадян ніяк не пасують і наводять на думку намилияти шию тому, хто випускає їх на ринок.

Американцям советські краби смакують, і ціна їх, як на американську кишеню, дозво-

лена. Советський уряд призначив був ці краби саме на експорт, тільки ж американські робітники відмовилися їх вивантажувати з кораблів.

Мотив відмови: консерви виготовлені шліхом рабської праці. Так би мовити, не хочемо лакомства рабського від режиму рабського.

СТАНДАРТ ТА ІНДИВІДУАЛЬНІСТЬ

У крамниціх Америки советський письменник побачив мало людей.

Висновок: людність США збідилася настільки, що не може нічого купити з тих гір краму, які накопичені скрізь. «На мій погляд, життя в США дуже дороге, далеко дорожче, ніж в Європі».

Не сказав «ніж в СССР», бо побоювався бути впійманим на гарячому. Сказав «ніж в Європі». Бідолашна, жebraцька Америка, ледве животіючи, віддає останні свої жалюгідні шеляги багатій Європі, не такий заможний, як СССР, але все ж...

Люди вдягнені чисто, — пише советський письменник про нью-йоркців, — але страшенно одноманітно, стандартизовано...

Ну, це ж само собою зрозуміло! Де ж пак в капіталістичній Америці досягти того блискучого вигляду, який мають громадяни СССР, зодягнені «Москвошвей»! Подумайте: обидва рукави американського одягу рівної довжини, та, до того ж, пошиті з того самого матеріалу, що й ціле вбрання.

«Москвошвей» ніколи не допустить до такої вбогої стандартизації: один рукав він зробить довшим центиметрів на вісім за другий; один рукав буде синій, другий зелений, при загальному сірому тоні цілого строю. Це ми дуже добре знаємо!

І цей елегантний костюмчик купують не так собі просто в напівпорожній крамниці, а постоявши двох діб у черзі і то не відверто, а ховаючись вночі у підворотнях, бо міліція допускає черги щойно від сьомої години ранку, не впродовж коло магазину, а на протилежному боці майдану.

Оцінюєте своє надання вже вдома, і, дійсно, — оригінальний, наскрізь просякнений соціалістичним ентузіазмом твір. Комір лізе вгору, як хомут, рукава, як сказано, різні, поли теж різнокольорові, гудзики осипаються відразу, навіть від необережного погляду.

Дружина ваша хитає головою і легка сльозинка скохується по її щоці; діти з острахом позирають на татуса. Ви заглядаєте у дзеркало, і мороз подирає вам по шкірі. Але — вище голову! Вас зодягла большевицька ідустрія.

Куди там Америці пхнутись!

О. КАЧУР

Новогодні гадання

Рис. и стихи Н. О.

«Что год грядущий мне готовит? Кто больше голосов наловит? Какая новая фигура Придет на выборы сильна? Пройдет моя кандидатура, Иль мимо пролетит она?..»

Так в гарритрумановский мозг Вопрос вонзает ярый воск.

В новогодний вечерок «Девушки» собрались. Снять с Европы сапожок Для Сосо старались. За железною стеной Суженый, мол, ходит...

К счастью нашему, такой Номер не проходит.

«... Германию объединить И в сателлита превратить?.. Легко сказать, когда все Пики, По существу, совсем безлики... Но как же быть? Ведь из Кремля Отчет потребуют с меня...»

Чуйков на картах лагерей Гадает о судьбе своей.

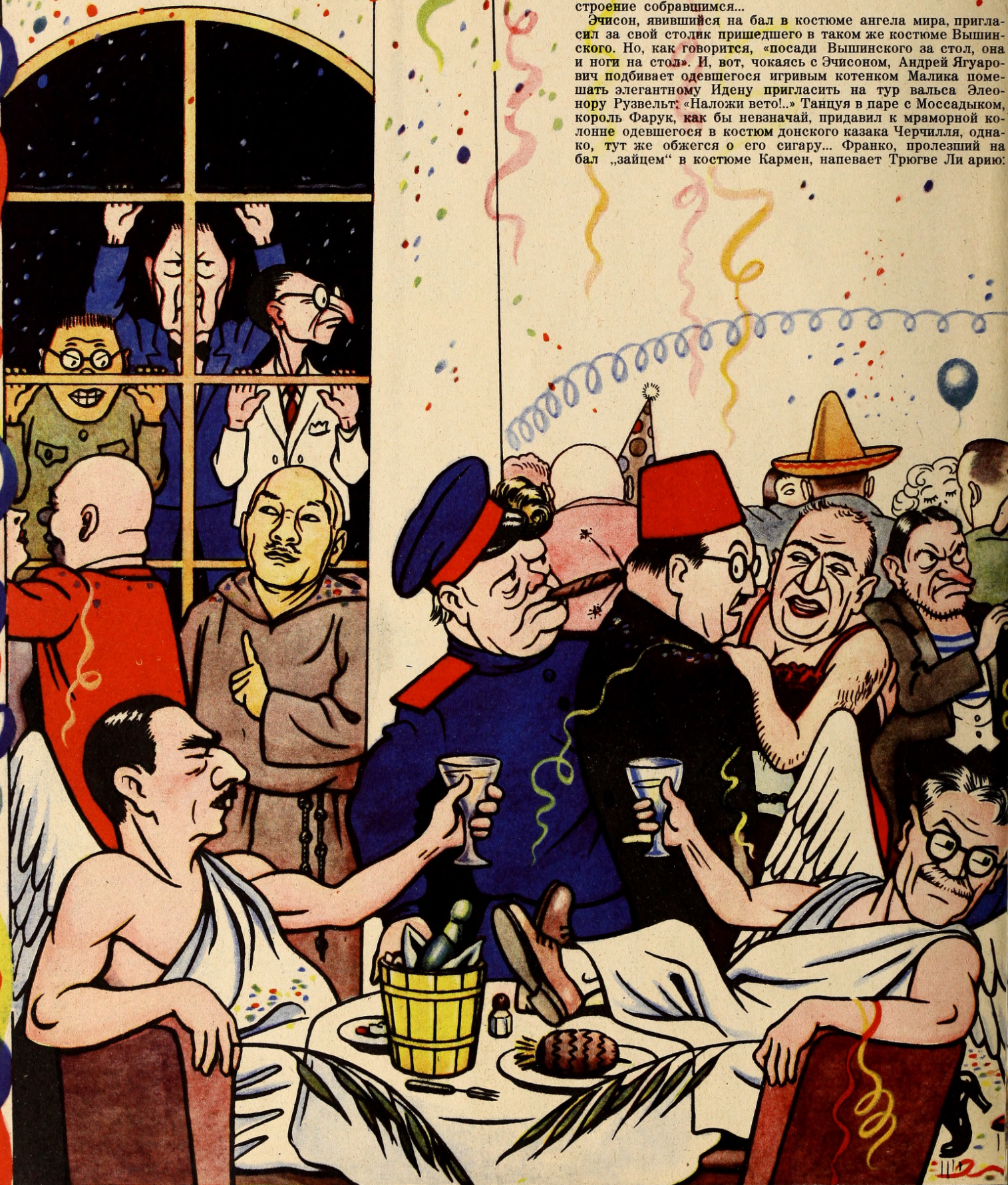
«Давайте-ка гадать вдвоем. Что ждет нас в пятьдесят втором? — Так предложил соседу Неру. — Вот — курица. Держите вы, А я зерна проверю меру И мы начнем...» Увы, увы!

Покуда он зерно считал, «Товарищ» курицу сглотал.

НОВОГОДНИЙ КОСТЮМ

Весело на балу Организации Объединенных Наций! Однако, и здесь коммунисты, вместе с теми, кто вольно или невольно помогает им, прилагают все усилия, чтобы испортить настроение собравшимся...

Эчисон, явившийся на бал в костюме ангела мира, пригласил за свой столик пришедшего в таком же костюме Вышинского. Но, как говорится, «посади Вышинского за стол, она и ноги на стол». И, вот, чокаясь с Эчисоном, Андрей Ягуарович подбивает одевшегося игривым котенком Малика помещать элегантному Идену пригласить на тур вальса Элеонору Рузвельт: «Наложите вето!..» Танцуя в паре с Моссадьком, король Фарук, как бы невзначай, придавил к мраморной колонне одевшегося в костюм донского казака Черчилля, однако, тут же обжегся о его сигару... Франко, пролезший на бал „зайцем“ в костюме Кармен, напевает Трювье Ли арию:

„Меня не люишь, но люблю я, так береги-и-ись любви моей!“ Неру пытается доказать «рыцарю»-турку, что коммунистическую обиду индус может проглотить так же легко, как шпагу. „Но она же вылезит боком“, — замечает наблюдательный турок... Не приглашенные на бал Иосида, Аденауэр и Де Гаспери с нетерпением заглядывают в окно. «Капуцин» Чан Кай Ши успокаивает их, обещая составить протекцию... „Народный демократ“ из Польши пристаёт к Марианне-Шуману... Упорно протискивающийся в дверь Мао Цзе-дун ухватил за косу представителя национального Китая, но обозначил: в китайском costume явился на бал «делегат» УССР... Несмотря на замеченные „неполадки“, государственные мужи веселятся дружно, чтобы в новом году столь же дружно работать и бороться за дело мира. Ни вышинские, ни ма-лики этому не помешают.

Сказка про Коня и Волка

Николай ОЛИН
Иллюстрации автора

(Из хрестоматии для грудных детей)

Порешили как-то конь и волк пастись вместе. Сказано-сделано. Пришли они на широкое поле, а на поле том цветов, ягод и травы столько, — ешь, не хочу.

Увлёкся конь подножным кормом, а волк пожевал травку, плюнул и стал за конем наблюдать. И так ему сырого мяса захотелось, что не выдержал он, подкрался к своему приятелю сзади и цапнул его за левую ногу.

Лягнул конь и набил волку шишку.

— Ты чего дерешься! — обиделся волк.

— А ты чего кусаешься? — сказал конь.

Волку крыть нечем.

— Ну, ладно, — говорит, — давай помиримся.

Конь согласился. И стали они опять пастись вместе. Жуёт конь сочную травку, а волк нет-нет, да и покосится на его жирный круп. Потом не удержался, улучил момент и цап коня за правую ногу.

Лягнул конь от неожиданности и набил волку вторую шишку.

— Ты чего опять брыкаешься! — рассердился волк.

— А ты зачем меня кусаешь так больно? — говорит конь.

Волку опять крыть нечем.

— Ну, ладно, извиняюсь, — говорит — Давай опять жить в мире.

— А ты кусаться не будешь?

— Честное пионерское, — не буду! Вот увидишь.

Поверил конь и опять стал мирно пощипывать травку. А волк терпел-терпел, да и опять коня за мягкое место цапнул.

Лягнул конь от полной неожиданности, такую волку шишку набил, — больше пол-Кореи будет.

Завыл волк.

бум еще раз жить в мире.

— Да я тебе больше не верю. Где гарантии?

— А вот! — сказал хитрый волк. — Смотри!

Сунул волк себе в пасть лапу, в которую незаметно зажал камешек, и швырнул этот камешек в дипломатические заросли.

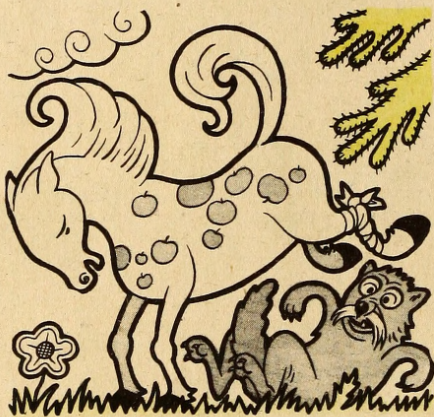
— Видишь? Я сам себе кусачий зуб вырвал.

— Ну, раз так, тогда ладно, — успокоился конь.

И стали они опять пастись вместе. И опять не удержался волк, глядя, как аппетитно конь подножную травку щиплет.

Лягнул конь от полнейшей неожиданности, да так, что сразу два зуба у волка вышиб. Только и у самого покусанные ноги ныть сильно начали...

Что дальше будет, — догадывайтесь сами. Я — не «поджигатель».

— Ты что же это, агрессор паршивый, все время дерешься!

— А ты чего все время кусаешься?

— Так я же не нарочно. У меня такая идеология.

— И у меня идеология: не люблю когда меня кусают.

Волку крыть нечем.

— Ну, ладно, — говорит, — давай попробуем еще раз жить в мире.

Ив. ТЯПКИН

Однажды юный какаду (То было в ...надцатом году) Попал из дома в край далекий, Где жили лишь одни сороки.

Немудрено, что какаду (Такой талант в его роду), Не тратя на ученье ночи, Стал изъясняться по-сорочьи И вскоре схоронил во прахе Свое родное «муттершпрахе».

«К чему родная мне культура, К чему ее литература, Коль я назад не попаду?» — Так рассуждал наш какаду.

Но попка, рассуждая так, Лишь доказал, что он — дурак.

Взревела снова буря злая, Сорвала с места попугая, В рядах объединенных птиц Перенесла за сто границ И очутился какаду Опять в родительском саду.

И что ж! Был эмигрант-поганец В родном краю, как иностранец. Он, повстречавшись с земляком, Жестикულიровал крылом, Пищал, таращил дико очи, Но лишь тогда понятен был, Когда приятель — сын сорочий — Его слова переводил...

Мораль — три маленьких строки: Будь ты хоть трижды попугай, Учи чужие языки, — Родной не забывай!

Рис. Н. ИР-СКОГО

Торжественные

ИЛЬЯ ИРКЛЕЕВ СЕАНС ГИПНОЗА

На Рождество и на Новый Год принято ходить в гости. Хождение в гости несколько напоминает военные действия. И там, и тут следует оставаться на территории противника, не допуская его, по возможности, на свою собственную (Клаузевиц). Решающее значение имеют глазомер, быстрота и натиск (Суворов). Исключительную роль играет правильно произведенная разведка (Людендорф).

Чтобы не быть голословными, опишем случай, имевший место на рождественской вечеринке в доме Колбасенко.

Явившись прямо к ужину, я прежде всего был поражен обилием сервировки. Тарелки, тарелочки, вилки разных сортов, ножички простые и вырезные. Но делать этими ножичками — увы! — было совершенно нечего, ибо из угощения и десерта имелось только усохшее печенье.

Не успев я выпить полстакана чаю, как хозяйка уже с шумом отодвинула стулья и с одушевлением заявила:

— Ну, мы что-то засиделись за столом! Давайте-ка поиграем в различные игры. Не все же жевать, как живым животным, надо же и повеселиться!

После этого мне ничего не оставалось, как тоже с шумом отодвинуть свой стул и, выражая отрывочными восклицаниями неестественный восторг, присоединиться к остальным гостям.

Волнующая игра состояла в писании стихов на заданные рифмы, причем Клеопатра Тарасовна (гостеприимная хозяйка) даже повизгивала от восхищения.

Но, несмотря на тонкое, культурное времяпрепровождение, настроение гостей почему-то начало падать. Мне лично на самые благородные слова стали приходить исключительно съедобные рифмы. Например: «Марселя Пруста» — «тушеная капуста», «канул в Лету» — «съел котлету». Даже на поэтическое

«Гретхен» я смог придумать только «ви-негретхен».

В этот момент всеобщего морального упадка меня осенила смелая мысль. Я внезапно закричал:

— Господа, ха-ха-ха! Ну и здорово-же мы играем, черт возьми! Я чувствую, что прямо помолодел! Давайте, чем черт не шутит, устроим сеанс гипноза!

Хозяйка, довольные тем, что мысли гостей отвлечены от более низменных предметов, охотно дали свое согласие.

— Господа, садитесь в круг и сохраняйте полную тишину! — командовал я между тем охрипшим голосом, — Клеопатра Тарасовна, вы попробуйте меня усыпить. Я очень чувствительный медиум, а в ваших глазах есть что-то восточное, катаклизматическое!

Явно польщенная хозяйка, жеманно извиваясь торсом, уселась в центре круга на стуле.

— Теперь внушайте мне какое-нибудь свое желание, только очень-очень сильное. Я постараюсь расслабить свое «я».

Клеопатра Тарасовна стала тарачить на меня свои глаза цвета дистиллированной воды. Все затихли. Я начал закатывать глаза, как петух, которого режут.

— Слабит, его уже слабит! — в восторге зашептал находящийся среди гостей немец-русофил Оскар Эдмундович, с интересом следивший за расслаблением моей воли.

— Заснул! — вырвался свистящий вздох из многих грудей.

Клепа (ласкательное имя хозяйки) порозовела от неожиданного успеха и еще сильнее затащила свои сероводородные очи. Я медленно поднялся со стула и, вытянув вперед руки, в состоянии полного сомнамбулизма, вышел в коридор в сопровождении всех гостей. Оттуда я открыл дверь в кухню. Хозяйка начала заметно волноваться.

— Юрий Александрович, сюда не нужно, тут вы упадете, — пробасил глава дома, пытаясь взять меня за локоть.

— Т-с-с!! — зашипели гости, — что вы делаете! Он находится в каталепсисе! Если его неожиданно разбудить, он может умереть!

— Он пр-рослабился! У него может кишка в голове лопнуть! — горячился Оскар Эдмундович.

Смущенные хозяева замолкли.

Я вошел в кухню колеблющейся (но внутренне уверенной) походкой, направился к буфету, открыл нижнее отделение и, ко всеобщему изумлению, извлек оттуда огромное блюдо с прекрасно зажаренным гусем, обрамленным печеными яблоками. Сопровождаемый пораженными гостями, я тем же путем возвратился в столовую и торжественно поставил гуся на стол. После этого я испустил глубокий вздох и приоткрыл правый глаз.

— Где я? — спросил я тошно, обводя бессмысленным взором присутствующих.

— У Колбасенко! — довольно резко заметил хозяин. Чувствовалось, что он ничего не имел бы против того, чтобы я находился довольно далеко отсюда. Я остановил мутный взгляд на хозяйке, лицо которой напоминало «голову медузы» работы Беклина.

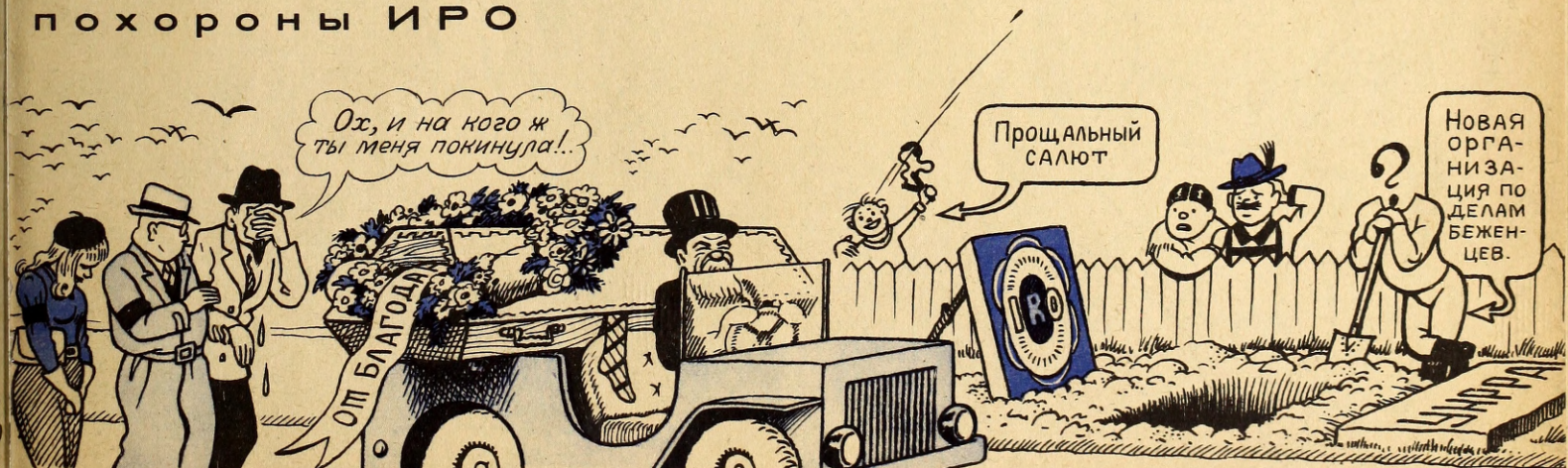
— Я так глубоко спал, — вздохнул я со слабой, виноватой улыбкой, — я чувствовал, как ваша воля толкает меня все вперед, вперед... Я выполнил ваше желание?

— Выполнили, выполнили, — сказала Клеопатра Тарасовна деревянным голосом, — я только-что хотела пригласить всех откусать. Режьте, господа, этого... гуся, ешьте, пейте! — закончила она, и в голосе ее послышались истерические нотки.

Гостей не пришлось долго уговаривать. Оживленно обсуждая мои паразитические медиумические способности, они налегли на гуся.

Описанный гипнотический прием имеет только одну слабую сторону. Его редко удается провести в одном и том же доме дважды.

ПОХОРОНЫ ИРО

Зимний спорт в зарубежной России

Рис. Н. ОЛИНА

Прыжки с трамплина. В. Байдалаков старается прыгнуть дальше других.

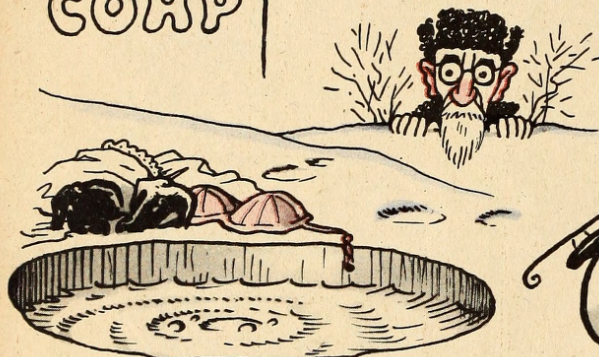

Поскользнувшись на соревнованиях Лиги, А. Керенский заимел Гулю.

С. Мельгунов сел на свой любимый конек — «областничество».

СОМР

Р. Абрамович бдительно следит за купающейся в проруби Е. Кусковой.

И. Солоневич продолжает выписывать старые вензеля.

Б. Николаевский усердно лепит свою снежную бабу.

Г. Аронсон действует на слалом головы.

Профессор А. Филипов наострил лыжи. По слухам — добывать золото в Клондайке.

Д. Далину дружно загибают салазки.

М. Алдан и Б. Яковлев перебрасываются снежками с В. Гречко и А. Туркулом.

Доктор С. Юрьев сделал неудачную попытку сесть не в свои сани.

СОМР

Февьи АНТИКОММУНИЗМА

Bravo Bravissimo

В прошедшем году исполнилось тридцать лет с того дня, как Сергей Алексеевич Жаров организовал свой, ныне всемирно известный, хор донских казаков.

За это время хор объездил почти все страны земного шара и дал более шести тысяч концертов, обласкав слух человечества русскими песнями, раскрыв перед народами мира подлинную душу русского человека, приобщив Запад к великой русской культуре.

— Мы пользовались всеми возможными средствами передвижения, кроме подводных лодок, — шутит Сергей Алексеевич, человек, который особенно близок нам — сатириковцам, ибо он — не только певец, но и боец, и не только лихой казак, но и большой чудак, жизнь которого состоит чуть ли не из сплошных анекдотов...

Во время концерта в одной из американских гимназий, веснучатый паренек зачем-то хитро подмигнул дирижировавшему Жарову. Жаров комично подмигнул в ответ. Паренек так взвизгнул от восторга, что Жаров не удержался и расхохотался. Вместе с ним расхохотались хористы, а за ними вся публика. Когда вдоволь нахохотались, пришлось исполнять прерванную песню заново...

Спасаясь от поклонников и репортеров, Жаров, как правило, покидает театры и концертные залы не через двери, а через окна. Об этом узнали в Гринсборо (Вирджиния) и, когда Жаров после концерта выпрыгнул в окно, он попал в двухтысячную толпу девушек — учениц женского колледжа иностранных языков. Деваться было некуда и «беглецу» пришлось написать около четырехсот автографов...

Когда в хоре работал казак Евлампий, обладавший таким же «гигантским» ростом, как дирижер, Жаров нередко выдавал его своим «преследователям» за себя, а сам исчезал...

Жаров необычайно рассеян. Были случаи, когда он, вместо того, чтобы выйти на сцену, выходил в зрительный зал или фойе. Однажды перед концертом Жаров исчез, а когда его нашли, то ока-

залось, что он забыл в каком городе находится и, выйдя из отеля, пошел не влево, а вправо...

Но больше всего нам нравится то, что Жаров и его хор поют с нами в тон: они — непримиримые антикоммунисты. Это декларировано во всех их программах.

Не все иностранцы понимают значение этого факта. В 1945 году в Канаде одна экзальтированная девушка умоляла Жарова и его администратора Болотина взять ее... в Москву. Когда хористы стали доказывать ей, что они пока-что в Москву не собираются и ехать ей туда тоже не рекомендуют, девушка даже обиделась. Однако, в 1947 году, когда жаровцы снова гастролировали в том же городе, эта девушка специально пришла за кулисы, чтобы поблагодарить Жарова и его казаков за то, что они помог-

ли ей научиться понимать разницу между русскими и коммунистами...

А вот — немного статистики.

Сейчас в хоре — двадцать восемь человек, из коих уже больше трети составляют новые эмигранты. Из трех танцоров их — два.

Всего в хоре перебивало сто сорок семь человек, в большинстве своем — самородков, не имевших никакого музыкального или хореографического образования.

Участники хора, совместно, говорят на 14 языках.

За время существования хора жаровцы подарили своим поклонникам более 20 миллионов автографов.

В январе 1951 года в Джексоне (Миссисипи) выступление хора привлекло рекордное число слушателей — 17000 человек. На концерте, данном 25 октября в Мюнхене, было 3800 человек, не считая контрамарочников. На афише, как всегда, стояло: «Все билеты проданы». Триумф был неслыханный: после окончания концерта все присутствующие, стоя, устроили Жарову и его хору такую овацию, которой мог бы позавидовать даже «отец народов»...

Но как же, все-таки, поют жаровцы? «Поют здорово!» Это не наши слова, а слова Федора Ивановича Шаляпина, сказанные им вице-королю Индии на его вилле, где однажды Шаляпин и хор Жарова выступали в одном концерте.

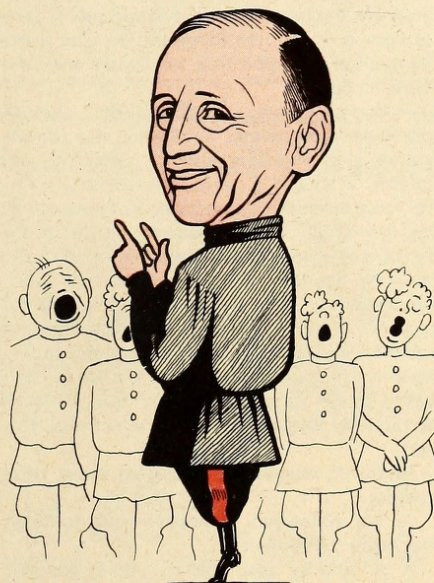
Лучшую политическую оценку жаровского хора дала одна вашингтонская газета, поместившая прошедшим летом такую карикатуру: по огромному, искаженному злобой лицу Сталина ползает с камертоном в руке маленький комарик — Жаров. Сталин затыкает уши пальцами и вопит: «О-о-о! Он мне уже все уши прожужжал!»

* * *

Дорогой Сергей Алексеевич! Дорогие жаровцы! «Сатирикон» приветствует вас и поздравляет сразу и с юбилеем, и с Новым Годом, и с Рождеством Христовым! С Новым Годом! С новым счастьем!

МИНИАТЮРНЫЙ ВЕЛИКАН

Дружеский шарж Н. ОЛИНА

Сергей Алексеевич ЖАРОВ
(Увеличен в полтора раза)

● Новейшая российская эмиграция получила новогодний подарок. Ценный подарок. Близ Мюнхена, в Западной Германии, американским обществом «Друзья борцов за русскую свободу» открыт дом для приема новейших эмигрантов. С двух сторон замечательное дело: дом — само по себе, а друзья — это уже гарантия, что дело одними домами не ограничится. Так на деле воздвигается здание русско-американской дружбы.

● Параллельно растет и другое «здание» — русско-советской непримиримости. Когда в «октябрьские» дни в ноябре в Москве говорил Берия, гово-

рила в День Непримиримости и российская эмиграция. Разговор был прямо противоположный. По ту сторону: «Вперед, к победе коммунизма!», по эту сторону: «Вперед, к победе над коммунизмом!»

Чувство непримиримости — великое чувство. Ему нужен выход. Оно должно проявляться в действии. За неимением такового, на одном из отрезков западно-германского участка фронта оно проявилось во взаимной нетерпимости... Эпизод, — но это то, что никому не нужно, кроме...

● Из Германии выехал за океан миллионный ди-пи! Миллион человек из стран «за железным занавесом» обрели новую жизнь. Они «проголосовали» против коммунизма.

● В психологической войне между демократией и коммунизмом появился новый фактор. В боевой арсенал демократии поступило новое оружие — «Свобода». Так именуется печатный орган объединения послевоенных эмигрантов из Советского Союза. Первый номер «Свободы» это новогодний подарок для антикоммунисти-

ческого мира, и страшный святочный призрак — для творцов «всеобщего концлагеря». Приветствуем «Свободу!» (Свобода восторжествует на нашей Родине).

● «Сатирикон» приветствовал в свое время зарождение СОНР'а. В тяжелое попал бы он положение, если бы не декларировал тогда же с исчерпывающей ясностью — при каких условиях и в каком плане он приветствует новую организацию. Сейчас «Сатирикон» внимательно следит за ходом дел в «центре» и... не хочется говорить о них в дни праздников. До следующего номера!

СИЛУЭТЫ НА СНЕГУ

ЖИЗНЬ И ЛОГИКА

Мир устроен, государи мои, в высшей степени основательно. Он устроен так, что следствия непременно вытекают из причин, и логика, в конечном счете, торжествует. Но остерегайтесь слишком прямой линейной логики, ибо такая логика — дура.

Если хорошо одетый господин ест в хорошем ресторане седло дикой козы и соус из шампиньонов в то время, когда его сосед по столу, облаченный в скромный пиджачек, уныло сидит, нахохлившись над бутылкой минеральной воды «Аполлинарис» и озабоченно изучает карточку меню в той ее части, где сосредоточены картофельные салаты и рагу из овощей, — не следует заключать, что первый из них богат, а второй — бедняк, по близорукости принявший дорогой ресторан за уединенную столовку. Первый, покончив с шампиньонами, отправится пешеходом на противоположный конец города по причине нехватки трех пфеннигов или центов на трамвай, тогда как второй, со вздохом уплатив за овощное месье, усядется в собственный Кадиллак и уедет туда, куда ему заблагорассудится.

Но, опять-таки: не спешите с заключениями, ибо первый, позвякивающий скудными медяками в кармане своего единственного приличного костюма, после полутора часов ходьбы впрорхнет в дом своей невесты и скажет ей приблизительно такое:

— Дорогая моя, наконец-то мы можем пожениться! Мой проект получил первую премию. Меня приглашают на должность старшего консультанта в мировую фирму «Юнайтед Гопкинс Лимитед»! Гип-гип-ура!

И юная красавица, зардевшись, спрячет личико на широкой груди любимого.

Второй, прикатив к великому профессору, сунет ему валюту, бестонную руку и просительно промямлит:

— Итак, операция неизбежна, профессор?

На что последний безнадежно заметит:

— Мужайтесь, дорогой сэр.

Однако и здесь еще не конец. Не следует заранее хоронить беднягу-миллионера. Операция сойдет блестяще и, пролежав в клинике нужное число недель, богатч полностью восстановит былую мощь своего желудка. Что же касается преуспевающего в любви и карьере молодого инженера, то, кроме прелестной жены, он приобретет в порядке принудительного ассортимента также ее сварливую маму и братца-лоботряса, что значительно снизит его жизненный тонус.

А теперь слушайте самое главное. В конце 1945 года я был освобожден из под строжайшего ареста... Впрочем, не так. Я был арестован весной того же года учреждением, ведавшим на территории «освобожденной» Германии государственной безопасностью одной страны, политический режим которой был для меня решительно неприемлемым. Но освобожден я был самим собой и, конечно, волей Провидения. И вот морозным декабрьским вечером, когда я, обросший пегой бородой, пробирался в Берлин, из боковой улочки маленького городка, через который лежал мой путь, выехала пароконная подвода. Уже из того, что это была телега на колесах, а не сани, можно было догадаться, что передо мной военная повозка. Возница крикнул мне по-русски:

— Ты куда?

Растерявшись от неожиданности, я машинально ответил по-русски же:

— Туда!

Очень глупо ответил, да еще и рукой махнул по направлению к Берлину. Дело мое было проиграно заранее. Повинуясь указанию дула автомата, я взгромоздился на телегу. Там был еще один пассажир — тоже с автоматом.

И мы поехали. Раздосадованный на свою оплошность, я стал пытаться строить различные логические комбинации. Они не были особенно сложными и сводились к тому, что ближайшее, как и отдаленное будущее мое не сулит мне ничего хорошего.

— Вот ты идешь, — говорил мне, не оборачиваясь, возница. — Идешь ты такой сякой (он сказал, какой именно), ты идешь, а куда? А зачем ты идешь, я тебе спрашиваю! Ты идешь по какому-то своему делу. Но по какому делу? Я тебе прямо пропорционально заранее скажу, что идешь ты по нехорошему делу, по вредному делу ты идешь, выходец ты этакий! Я по твоему носу вижу, кто ты такой. Ты, безусловно, вредный гад и враг народа, и сдадим мы тебя, куда следует, и не будешь ты больше вредить трудовому народу. Правду я говорю, Сеня?

Человек, сидевший рядом со мной, подтвердил:

— Ты говоришь совершенную правду, Овросим Петрович.

А я, между тем, думал: «Вот, идола! Поди-ка толкуй, дамкой я им враг! Из-за них, дьяволов, я половину здоровья

потерял, потому что против их врага боролся, а они меня к врагу-то и тащат! О, логика, воистину ты не всякому доступна!»

Сделав это неутешительное заключение, я совершенно произвольно, вовсе не ожидая от самого себя такой прыти, отчаянно изогнулся, как рыба на сковороде, понатужился и, описав в воздухе параболу, очутился по ту сторону насыпи, вдоль которой катилась наша телега, — насыпи покрытой мягким снегом и чем-то необыкновенно колючим.

Стрельбы я не слышал, и только спустя некоторое время, как будто, где-то вдали пролаяла автоматная очередь.

В течение пяти лет я считал Овросима Петровича и его верного Сеню безнадежными пнями, стоеросами и бронтотаврами, не понимающими, кто им враг, а кто — друг. Но не далее, как в прошлом году, дорогие мои друзья и слушатели, не далее, как в прошлом году, перед началом рождественского вечера свободных россиян, проживающих в Мюнхене, я услышал в соседнем зале, где собирались соотечественники, знакомые нотки голоса Овросима Петровича. Покуривая возле открытого окошка, стояла группа людей, внимательно слушающих рассказчика, которым был он, Овросим Петрович. И говорил он:

— Это, понимаете, аккурат в самый сочный был, в сорок пятом. Ехали мы порожняком. Вижу, топает фигура до того печальная, ну, деться некуда. Думал, какой голодный Фриц, а он оказался, наоборот, русский. Зима, снег, дело к ночи. В общем и целом, посадил я его на повозку, хотел довести до повертки и чем ни на есть одарить, то-есть, из съестного. А он, понимаешь, так гордо на нас не обращает вроде внимания, молчит, ни слова не говорит. Ну, нелегкая меня дерни за язык, начал я его страшить: мол, сдам по начальству, то, се. Шутки ради, понимаешь... А он-то не понял, что я в шутку, да кэ-эк стрыбанет из повозки. Сиганул — и пропал, понимаешь, как сквозь землю. И вот, правду скажу, по сей день дурака жалею. Нехорошо вышло у меня с ним: хотел помочь человеку, а оно — вот что вышло. Будь он поумнее, понял бы: нешто русский солдат так, за здорово живешь, потянет человека на погибель... Но, видать, разумом был слабоватый, — так, что ли, Сеня?

И Сеня, находившийся тут же, охотно подтвердил:

— Именно в точности так, Овросим Петрович, — глуповатый человек попался...

Так-то, многоуважаемые, логика требует осторожности и даже проникновения в глубь вещей. Овросим Петрович, мысля вполне логически, сделал нужный вывод — и оказался в мире свободы. А поему, логически рассуждая, следует выпить, если, конечно, в чаше осталось что-нибудь, кроме дна...

Рис. Н. ИР-СКОГО

Из ряда областей Советского Союза поступают тревожные сигналы о том, что произведенные в порядке выполнения «сталинского плана преобразования природы» лесные насаждения катастрофически усыхают.

(По советским газетам)

— Ну, как, товарищ секретарь обкома? Эту рубанем к праздничкам, или подождем до будущего года?.. Боюсь только, что тогда и такой не будет...

СМЕРТЕЛЬНАЯ ДОЗА

Старший счетовод кооператива в городе Х. Степан Иванович Сухарев вернулся со службы домой очень поздно.

Скромно поужинав, лег спать, но заснуть не мог. Голова трещала невероятно, в мозгу проносились вереницы цифр и подбитых сумм.

Степан Иванович не выдержал, встал с постели, подошел к стенному шкафчику и начал искать снотворный порошок. Порошка там не было.

Взгляд его случайно упал на неразвернутый номер газеты, лежащей на шкафчике. Машинально развернул газету. «Правда» от 25 февраля 1951 года № 56. Хотел уже было бросить, как внезапно в голове мелькнула интересная мысль.

Степан Иванович быстро взял карандаш, лист бумаги, сел за стол и начал читать «Правду», ничего не пропуская. Одновременно его рука быстро делала какие-то заметки, ставила черточки и крестики.

Когда последняя строчка последней страницы «Правды» была прочитана,

Степан Иванович почувствовал, что засыпает и не в состоянии встать из-за стола...

Утром соседи по квартире нашли Степана Ивановича, казалось, мирно спавшим, склонившимся на газету «Правда». Но к их ужасу оказалось, что Степан Иванович был мертв. Около него лежал исписанный лист.

* * *

В архивах центрального управления НКВД в Москве лежит папка с пометкой: «Дело старшего счетовода кооператива города Х. Степана Ивановича Сухарева». В ней покоится последняя рукопись Степана Ивановича. Содержание ее следующее:

Статистика о тов. Сталине, согласно газ. «Правда» от 25 февраля 1951 г. № 56.

- 1) Сталин упоминается . . . 11 раз.
- 2) Товарищ Сталин . . . 26 „
- 3) Иосиф Виссарионович Сталин 3 „
- 4) Гений Сталин . . . 1 „
- 5) Генералиссимус Сталин . . 1 „

- 6) Великий Сталин 7 „
- 7) Великий вождь и учитель тов. Сталин 2 „
- 8) Великий вождь и учитель советского народа тов. Сталин 1 „
- 9) Великий вождь и учитель трудящихся 1 „
- 10) Любимый вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин 1 „
- 11) Великий вождь 1 „
- 12) Вождь и учитель великий Сталин 1 „
- 13) Родной и любимый Сталин . 1 „
- 14) Великий вождь трудящихся тов. И. В. Сталин 1 „
- 15) Лучший друг армянского народа родной и любимый тов. Сталин 1 „
- 16) Великий строитель коммунистического общества тов. Сталин 1 „
- 17) Лучший друг народов, гениальный строитель коммунизма тов. Сталин 1 „
- 18) Великий вождь трудящихся всего мира, освободитель и собиратель украинских земель, гениальный учитель и родной отец, Иосиф Виссарионович Сталин 1 „

Итого — 62

Далее следует дополнительная статистика многочисленных выражений, как-то: сталинский гений, сталинская политика, сталинское учение, сталинская партия, сталинская мудрость и т. д. и т. п.

Опасаясь за душевное состояние читателя, от их перечисления воздерживаемся.

Е. ОЛАНДОВ (Гейдельберг)

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже советский министр иностранных дел Вышинский сказал: «Я так смеялся, прочитав предложение президента Трумана о разоружении, что не мог спать всю ночь...» После этого он предложил свой — советский план разоружения...

Рис. Н. МЫШЛАЕВСКОГО

СТАЛИНСКИЙ ПЕТРУШКА ПЕРЕД ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕЕЙ ООН В ПАРИЖЕ

Александр ПЕРФИЛЬЕВ

Рождественская новелла

ТО, ЧЕГО НЕ БЫВАЕТ

Это очень короткая история, потому что все хорошее — коротко и ясно. Все плохое длится до бесконечности.

Героиня моей сказки не думала о плохом. Она смотрела из окна экспресса Париж-Мюнхен-Зальцбург и радовалась тому, что после пятилетнего пребывания во Франции увидит русские лица и услышит русскую речь. Баварский Мюнхен казался ей чуть ли не Киевом. Но главное, конечно, было в «нем». В том, за которого следовало бы пять лет тому назад выйти замуж, но почему-то вышло «наоборот». Так как после войны все стали «перемещенными личностями», то и она, Танечка, временно переместилась и вышла замуж за француза. И только теперь пришла к убеждению, что французские мужья, так же, как и французская кухня, хороши на короткое время. Потом начинается несварение желудка. И сейчас ее русская поэтическая натура радовалась предстоящему свиданию.

Это усугублялось тем, что было двадцать четвертое декабря, т. е. рождественский сочельник, когда весь мир, даже самые сухие и черствые люди, подсознательно ожидают чего-то сказочного. Немножко смущало ее то обстоятельство,

что ее бывший жених за это время успел жениться. Но так как, женился он, вероятно, на немке, то, по мнению Танечки, если она решила для Васи пожертвовать французом, он должен ради нее пожертвовать немкой. И все «о-кей».

Танечка была в том радостно-возбужденном состоянии, о котором когда-то написал Игорь Северянин: «Я всех чужих зову на ты»... Правда, она не решилась выпить на брудершафт с интересным молодым человеком — соседом по купе, беспокойно ерзавшим на мягком сиденье. Во-первых, она не пила; во-вторых, она не знала — пил ли молодой человек; а в-третьих, пить было нечего. Но она охотно вступила с ним в беседу и, к своему удовольствию, услышала от него историю, аналогичную своей. Он тоже ехал к любимой женщине... И даже (это, вероятно, бывает только в сказках) его невеста тоже была замужем. Добрая танечкина душа мысленно пожалела бедного юношу. Такой молодой, красивый и — такое несчастье! Но, — подумала она, — вероятно, муж его «невесты» немец и тогда все как-то обойдется.

Поезд пришел, как ему полагается, в шестнадцать часов с какими-то минута-

ми. Вася пришел гораздо раньше. Он не знал точно, когда приходит поезд, а, кроме того, боялся, что жена, почуявшая что-то неладное, устроит ему на вокзале «сцену у фонтана».

Его предчувствия оправдались. Жена появилась на дебаркадере именно в тот момент, когда хорошенькая головка Танечки припала к его плечу. Он едва успел коснуться сочных, улыбающихся губ, вкус которых успел забыть за пять лет разлуки, как испуганно шепнул: — «жена!» — и закрыл глаза.

Танечка обомлела, ожидая взрыва атомной бомбы. Но... «рождественский сочельник, по заказу всех редакций, сыпет снег с морозцем легким и приносит людям счастье». И когда Вася открыл глаза, то увидел, что его строгая Люся, как рыба, вытащенная из сетей, трепещет в объятиях высокого молодого человека — танечкиного соседа по купе...

При таком счастливом обороте дела мюнхенское небо внезапно озарилось серебристым светом, а ртуть на всех градусниках немедленно упала ниже нуля. И пошел мягкий, пушистый, искрящийся снег. Он шел до утра и достиг высоты в полсантиметра. Это было чудесно! Совсем как у Пушкина: «Поднявшись рано, в окно увидела Татьяна...»

А вы, читатель, думали, что нет больше сказок. Стыдно!

В центре внимания

(ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ)

Знаете-ли вы, что такое Фармингтон? Нет, вы не знаете Фармингтона. Это — городок в штате Коннектикут, где я стал знаменит. Три газеты писали обо мне. Две газеты поместили мои фотографии. И все это чуть ли не на другой день, как я сошел с парохода в нью-иоркском порту.

Однако, все по порядку. Как смелый человек, скажу сразу: пугала меня Америка очень. Но... не без добрых душ и на «новом свете». Добрый священник и отзывчивая дама решили мою судьбу. Через несколько дней я был уже блестящим кельнером в не менее блестящем ресторане в этом самом Фармингтоне. И сразу же пошли американские чудеса.

На второй день работы я — кельнер из шлейсхаймских дипломатов — «принимал» у себя в комнате директора местной американской гимназии. Разговориться не пришлось (запас слов у меня все еще младенческий), но по выражению лица почтенного господина было понятно, что он что-то замышляет. На следующий день обрадовали визитом еще трое солидных дядей. И тут обнаружилось, что сии визиты имеют определенную — и важную! — цель.

Фармингтон устраивал митинг «За свободу!». Думаю, читатель догадывается, что это антикоммунистический митинг. Так вот, я, как бежавший от этого самого коммунизма из Сталинграда до Фармингтона, должен на этом митинге выступать... Таков был результат визита «трех». Короче говоря, мне предстояло прочитать на митинге «список».

Написал. Перевели его на английский. Напечатали. И в прекрасный осенний день повезли меня в «роскошном лимузине» в здание городской управы, где происходил митинг.

Огромная веранда была запружена фармингтонцами, ожидавшими моего выступления. Место для меня было приготовлено впереди всех. Опять же, как смелый человек, скажу: очень хорошо я себя не чувствовал...

Музыка. Речи. Песни. И — наступил торжественный момент... Вывели меня, смущенного, на эстраду и отрекомендовали собравшимся. Слышал я, бывало,

как аплодировали при упоминании имени «отца и учителя», но и по моему адресу овация была не меньшая... Во всяком случае, так мне показалось.

«Халло, Рашен!» — стояло в воздухе минут... впрочем, не знаю сколько минут. А когда директор гимназии в тишине (это в американском-то собрании!) прочел мой «список», — снова овация!..

Не все еще это. Председатель собрания вручил мне значек «За свободу», которых (как тут же объяснили) выпущено на всю Америку только десять тысяч.

«Орденосного» увезли меня с митинга, пообещав, что мой «список» будет передан самому Труману... Доставили ме-

ня до дома под почетным эскортом из семи машин.

Сейчас переживаю плоды славы. Одна мука: язык, язык!..

Интересует вас, что я написал в своем «списке»? Примерно то же, что пишут в «Сатириконе». С линией митинга вполне совпало.

Чудеса американские ощущаю и в быту. Недавно «приобрел» пианино. Было оно выставлено на улицу как «устаревшее». Бери, кому не лень. Мне лень не было, но доставка его в мою комнату стоила пятнадцать долларов. Получил в подарок радиоаппарат, величиной с бумажник, посредством которого могу разговаривать с домом, даже если уезжаю куда-нибудь. Но всего в одном письме не опишешь.

Такова она, Америка! Не боюсь я ее больше.

В. ЩУКИН

ПРАЗДНИКИ ПОД ТРОПИКАМИ

Рис. Б. ГИПОТЕНУЗЫ

— Всего у нас, Ванюша, к Рождеству теперь вдоволь: и дом собственный есть, и авто, и радио, и елку из пальмы сделали, и ты на Деда Мороза похож, а вот, поди ж, чего-то, вроде, все-таки, не хватает?

— Снега, милая, снега! В этой стране зимой снега не допросишься!..

КОНКУРС «САТИРИКОНА»

Срок присылки материалов истек 1 ноября 1951 г. Поступившие фельетоны и рисунки переданы в жюри конкурса. Результаты будут объявлены в следующем номере.

САНИТАРИЯ И ГИГИЕНА

(Стенографическая запись лекции, прочитанной в одном из крымских колхозов летом 1951 года)

Товарищи! На данном обрезке я, как сантехник, заменяющий арестованного врача Остапова, расскажу вам лекцию про гигиену, вы ее послушаете, на чем и разойдемся между собой.

Итак! Микроскопический исследователь Левенчук изобрел самых маленьких насекомых, которые называются бактериями, но из себя являются паразитами укрупненного значения, так как сосут человека изнутри. Левенчука гигиена считает отцом этих паразитов.

У бактерий такая форма поведения, что они пролезают во все места без мыла, а с мылом не могут справиться, — оно их очищает. Отсюда вывод: когда вы приобрели заразу, ее надо немедленно намылить, после чего она удаляется, как ненужное существо, а человек выздоравливает, не успев заболеть.

Культура определяется мылом. Кто сильнее мылится, тот и культурнее. Хорошо намыленный человек попадает на высшую ступень, а тот, кто без мыла, тащится на буксире.

Но, кроме мыла и бацилл, у гигиены имеется еще простуда. Значение ее заключается в том, что человек потеет, кашляет, а иногда, от чрезмерной натуги, даже чихает. В итоге всего этого человек, получает насморк и теряет обаяние. Его запах приходит в упадок, так что он и еды не разбирает: что дадут, то и ест, не нюхая.

Сталинская гигиена, как наука, беспокоится не только о кислороде и бактериях, но и о клопах и других паразитах, чтобы они не имели гнусной привычки кусать, так как искусанный угрожает за-

болеть тифом. Для клопов и других паразитов наша гигиена изобрела несколько порошков. Неплохо действует также кипятилок.

Теперь я вам скажу два слова о болезнях. У медицины имеется большой выбор болезней. Есть между ними и хорошие, ненужные нам болезни. Только поделившись своей болезнью с врачом можно привести себя в первобытное состояние, когда ты был здоров.

Какие же выводы можем мы извлечь из нашей сталинской гигиены, простуды и болезней?

Первый вывод воздушного свойства: заболев легкими обращайся к чахоточному врачу. Дальше. Помни, что мыло применяется для искоренения грязи. Чтобы сделать хорошую головомойку, надо добавлять керосину. Керосин аннулирует паразитов, делая их непригодными для дальнейшего употребления.

Не держи в комнате непосыпанных порошком клопов и блох. Веди за ними неослабное наблюдение. Не допускай, чтобы они по тебе ползали: делай наоборот.

Не кури чужих папирос, если они обильно покрыты слюной. Не доедай супа из чужих тарелок. Своевременно беспокойся о простуде. Смотри, пропустишь время, — будет поздно. Если же у тебя потеряна надежда на выздоровление и ты собрался на тот свет, — пригласи врача: он поможет тебе соответствующими лекарствами.

Итак! Вы прослушали лекцию о гигиене и санитарии. Как видите, ничего страшного не случилось. На том и разойдемся.

СТАЛИНСКИЙ «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ» ЗА РАБОТОЙ

Рис. Б. ГИПОТЕНУЗЫ

ЗАМЫСЕЛ

ЧЕРТЕЖ

ПАТЕНТ

ТОЧНО ПО АДРЕСУ...

В нашу редакцию вернулся из румынского посольства в Белграде посланный нами туда «Сатирик» № 4 с сопроводительным письмом, текст которого приводим полностью:

«Отрицши от бешеного лая псам из «Сатирикона», комиссионерам и им подобным, торгующим всякой ругльдю, — не по адресу попали. Что же касается содержания, вспомните о Крылове: знать Москва сильна, что лает на слона.»

Посольство Румынской Народной Республики в Белграде.

Более похвального отзыва от министерства, возглавляемого Анной Паукер, мы, конечно, не ожидали. Поэтому отвечаем так:

Осипши от угодливого подтягивания собаченкам из посольства румынской республики в Белграде и им подобным, торгующим интересами своего народа, — спасибо за откровенность. Что же касается Крылова, то мы его помним и, в свою очередь, напоминаем вам: слона-то вы и не заметили.»

Чтобы этого не повторялось, делаем вас, по случаю праздников, бесплатно пожизненными подписчиками на наш журнал.

САТИРИКОНОВЦЫ

Невероятно, но — факт

(Копилка курьезов)

По совету врача бывшему главнокомандующему американскими военными силами в первую мировую войну генералу Першингу вырвали все зубы. Вскоре он узнал, что его зубы продаются по 8 долларов за штуку. Возмущенный генерал разослал скупщиков. К вечеру они принесли ему 176 зубов.

Венецельский министр почты и телеграфа Пирахо издал распоряжение, согласно которого любовные письма, снабженные специальным розовым конвертом, подлежат половинной оплате. Таким образом, в Венецье отныне вместо двух любовных писем можно написать только одно ругательное.

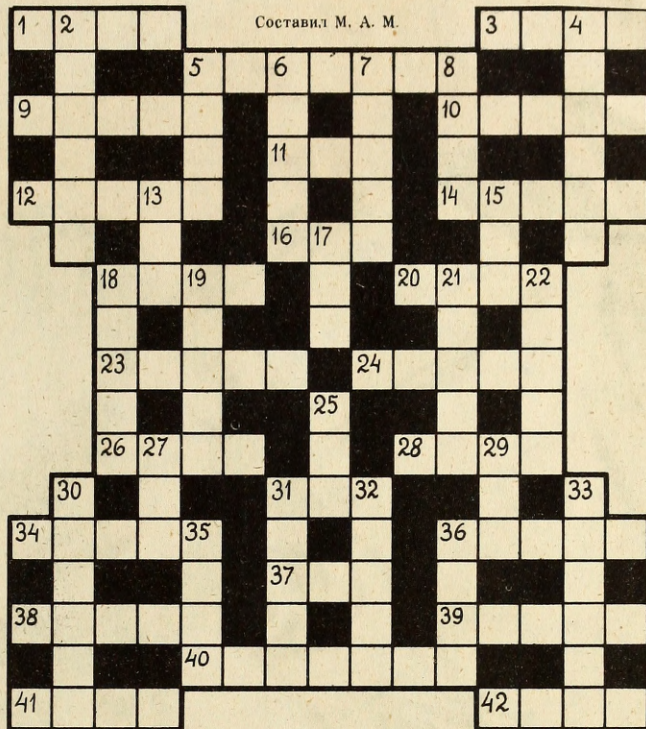
Граф Педро де Кристобаль и Фуэнтес, недавно женившийся на дочери мульти-миллионера В. М. Цайнемона, явился к последнему с жалобами на невозможный характер молодой жены. — «Вы правы, — согласился тесть-миллионер, — если она будет так вести себя и впредь, я лишу ее наследства». Невероятно в данном случае наличие таких юмористических способностей у миллионера. Цайнемон привлечен к сотрудничеству в «Сатириконе».

КРОССВОРД

Дорогой читатель! «Сатирикон» идет тебе навстречу, не щадя затрат. В качестве новогоднего сюрприза, мы помещаем на первом кроссворде. Правда, тебе придется над ним поломать голову. Но на рождественских праздниках лучше ломать голову себе, чем другим. Поэтому надеемся, что наша идея заслужит твою одобрение. Кроссворд — это лишь первая ласточка. За ним последуют ребусы, шарады и другие шутки над читателем. Итак, желаем тебе занимательного досуга!

Составил М. А. М.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Это был захватывающий криминальный фильм, один из тех, которые идут только в английских кино.

Опоздавший посетитель попросил контролера устроить ему удобное местечко. Проводив в темноте посетителя, контролер стоял, ожидая, что тот даст ему на чай. Но зритель, удобно расположившийся в кресле, не шевелился. Тогда контролер наклонился к уху неблагодарного.

— Сударь, убийцей оказался повар, — сказал он вполголоса и быстро удалился прочь.

ЦЕНЫ БЕЗ ЗАПРОСА

Покупатель выбрал костюм в маленькой лавке готового платья. На лице хозяина неподдельное восхищение.

— Вы выбрали лучшее, что есть в моем магазине! С человека с таким вкусом я не могу взять столько, сколько беру с других! Я не требую с вас 62 доллара, не требую 52, не требую 42. Только 32 доллара — вот цена, которую я возьму с вас, мой друг!

— Я не дам 32 доллара за этот костюм, — хладнокровно возразил покупатель, и не дам 22. Я дам за него 12 долларов, — таково мое предложение.

— По рукам! — вскричал обрадованный торговец. — Вот это дело! Не выношу людей, которые любят торговаться!

НЕДОРАЗУМЕНИЕ В ПАРКЕ

— Что это должно означать? Чего ради вы остановились ночью посреди парка? — раздался недовольный женский голос из глубины такси.

— Извините, но разве вы не крикнули только-что «стоп, стоп!» — оправдывался шофер.

— Езжайте дальше, дружище, это относилось не к вам, — добродушно пояснил басистый мужской голос.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Животное, обладающее большой силой воли. 3. Наименьшее войсковое соединение, которым эмигрант командовал в прошлом. 5. Остров, на котором живет весьма горько из-за одной буквы. При замене ее превращается, наоборот, в весьма сладкий препарат. 9. Человек, при встрече с которым поневоле тернешь голову. 10. Нежелательное завершение служебной карьеры. 11. Измерительный прибор, тем не менее, имевший жену, которая окаменела. 12. Морской путешественник, охотно посещавший чужие корабли. 14. Самый революционный политический лозунг. 16. Дерево, совершенно опустившееся вследствие неумеренного употребления жидкости. 18. Место, из которого вы возвращаетесь домой утопленным. 20. Приставка, в корне меняющая слово, к которому она приставлена. 23. Дипломат, в самой фамилии которого заключается указание на его малое значение. 24. Состояние, в котором ловкий человек выходит из воды. 26. Мое любимое женское имя. 28. То, по чему в СССР многое можно получить. 31. Слово, имеющее много значений. Крик птенчика. Политический деятель. Горная вершина. 34. Собеседник, располагающий к полной откровенности. 36. Приятный скурпизм за застрахованного свое зданье. 37. Знак, перед которым пасуют даже короли. 38. То же, что под № 1, но в уменьшенном виде. 39. Личность, вызвавшая явление под № 40. Явление, вызванное к жизни личностью под № 39. 41. Звук, который испустил народ в результате появления № 39 и 40. 42. В музыкальном значении — всегда благозвучна, в дипломатическом — далеко не всегда.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Восточный человек, отдыхающий на юге, отправляющий других на север и стремящийся на запад. 4. Синином дремлюта. 5. То, что подают вам в ресторане на закуску. 6. Авторы гимнов в честь Сталина. 7. Маленькая страна, которую часто к чему-нибудь присоединяли. 8. Учреждение, которое нельзя создать на Западе ни за какие деньги. 13. Положение русского эмигранта в Германии, выраженное по немецки. 15. Значек, который было приятнее снимать, чем надевать. 17. Человек, для которого ничто человеческое не является чужим. 18. Один из методов торговли. 19. Рельеф местности, приятный для лошадей, но неприятный для членов ВКП(б). 21. Лицо, зарезавшее своих родителей и требующее снисхождения суда на том основании, что оно является круглой сырогой. 22. Синином добровольно репатрировавшегося в СССР. 25. Цифра. 27. Союз (но не Советский). 29. Первое английское слово, усвоенное вами. 30. Незнаестный доброжелатель, обеспечивший вам бесплатное путешествие в отдаленные местности. 31. Наличие бутылки с водкой, которую почему-либо нельзя откупорить. 32. Почти казак, если бы не последняя буква. 33. Редактор, умышленно задерживающий тонуары. 35. Место, куда люди являются, но откуда не всегда возвращаются. 36. Дура, по сравнению со штыком (по словам Суворова).

РЕШЕНИЕ КРОССВОРДА. ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Осел. 2. Понк. 3. Сакхалин. 4. Синином. 5. Чашка. 6. Лунин. 7. Казак. 8. Сидест. 9. Яка. 10. Блук. 11. Кухня. 12. Никит. 13. Кухня. 14. Никит. 15. Кухня. 16. Блук. 17. Кухня. 18. Сидест. 19. Яка. 20. Блук. 21. Кухня. 22. Никит. 23. Сидест. 24. Чашка. 25. Цифра. 26. Лунин. 27. Казак. 28. Сидест. 29. Яка. 30. Блук. 31. Кухня. 32. Понк. 33. Сакхалин. 34. Синином. 35. Чашка. 36. Лунин. 37. Казак. 38. Сидест. 39. Яка. 40. Блук. 41. Кухня. 42. Никит.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

Они идут и идут — письма с самыми различными марками. Идут, укрепляя связь «Сатирикона» с читателями. Мы любим эти письма. Они вносят в нашу работу струю сердечности, живой человеческой теплоты. Им мы обязаны нашими первыми достижениями. Спасибо!

Идут к нам материалы. Естественно, материалы эти разного достоинства, и они не всегда подходят для «Сатирикона». Однако, они — та сокровищница настроений, тем, жизненных положений и курьезов, без которой «Сатирикону» было бы трудно делать свое дело. Спасибо!

Мы рады, что читатели считают журнал своим: «Ваш (и наш) журнал «Сатирикон» является для меня самой занятой книжкой за последние десять лет... Уважили!» — пишет П. Николаев из Англии. Это «уважили» мы относим к той помощи, которую нам оказывают читатели из всех стран. Ну, разве можно не «уважить», если получаешь лестные отзывы один за другим.

«В далекой Австралии получил тебя и первый раз после семилетней волнующей разлуки с родиной, родными и народом посмеялся от души. Слов нет — великолепен еси», — так пишет «Сатирикону» некто Гревс. А Е. Пучкова из США пишет так: «Журнал очень нравится. Он, по-моему, даже ярче, остроумнее и красивее старого (аверченковского) «Сатирикона».

Роль «Сатирикона» в борьбе за освобождение нашей Родины понята читателями правильно.

С удовлетворением сообщаем, что наша общия с вами работа получила признание и в иностранной печати. Так, например, газета «Рейнишер Меркур», в номере от 26 октября, в статье «Русское движение сопротивления» писала: «Экземпляр «Сатирикона» горит в руках, как огонь, и производит впечатление снятой с предохранителя ручной гранаты»...

Со следующего номера «Сатирикон» переходит во второй год издания. Ждем и в дальнейшем твоей поддержки, дорогой читатель.

ЦЕНА ЭТОГО НОМЕРА: в Германии — 1,2 марки, в Австрии — 4,2 шиллинга, во Франции — 100 франков, в Марокко — 100 франков, в Бельгии — 12 франков, в Швейцарии — 1,2 франка, в Греции — 1200 драм, в Дании — 1,8 кроны, в Норвегии — 2,4 кроны, в Швеции — 1,2 кроны, в Великобритании — 1 шил. 3 пенса, в Австралии — 1 шил. 6 пенсов, в США — 30 центов, в Канаде — 30 центов, в Венесуэле — 1,2 боливаров, в Аргентине — 6 пезо, в Бразилии — 6 крузейро.

При заказе журнала непосредственно в издательстве прилагать три международных почтовых купона за экземпляр.

В разработке тем и материалов для этого номера принимали участие: Е. Андреевич, Г. Ахминов, С. Белоусов, Юр. Большухин, Б. Гишенишвили, Б. Давний, В. Иванов, А. Перфильев, З. Пушкарская, В. Рыбаков, И. Сабурова, М. Салын, И. Сибирский, Н. Смирнов, М. Соколов и Н. Фотос.

Редколлегия: Н. Градобоев (США), И. Ирклев, Н. Ирколин, Г. Климов, А. Михайлов (США), Ф. Тарасов (гл. редактор), С. Юрасов (США).
Всю корреспонденцию направлять по адресу: „Satirikon“, Frankfurt/Main-West 13, Postschließfach 1364 A

И. В. СТАЛИНУ Сов. Секретно
Сообщаю, что несмотря на тщательнейшие поиски, произведенные моей агентурой, в прилагаемом рождественско-новогоднем номере «Сатирикона» Вашего изображения не обнаружено.
Л. Берия

(Из перехваченных телеграмм)

СТАЛИН: — Как?!
Игнорировать?!
На Новый Год?!
Меня?!..
Нэ дапушу...

Рис. Л. ЛЯПУНОВА (Гамбург)